

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

СТРАСТЬ

ПО ПОНЯТИЯМ

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

Страсть по понятиям

«ЭКСМО»

2013

Колычев В. Г.

Страсть по понятиям / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2013 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

К частному детективу Константину обращаются за помощью родители Альберта – молодого человека, бесследно исчезнувшего четыре года назад. Парня в последний раз видели в провинциальном городке Некрасове, и Константин отправляется туда на поиски. Первым делом он встречается с бывшей девушкой Альберта – роковой красоткой Анастасией Ремезовой. Она сообщает, что давно порвала с Альбертом и тот уехал в другой город. С тех пор она ничего о нем не слышала. Брат Анастасии подтверждает ее слова. Однако Константин чувствует, что Ремезовы что-то недоговаривают. Он решает навести справки о странной семейке. Вскоре Константину предстоит горько пожалеть о своем решении: ему становятся известны самые сокровенные тайны Ремезовых, и теперь его вряд ли оставят в живых...

© Колычев В. Г., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	25
Глава пятая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Владимир Колычев

Страсть по понятиям

Глава первая

На фоне аквамаринового неба светлое с темной серединой облако похоже было на выпрыгнувшую из воды рыбу с плавниками-крыльями. Выпрыгнула эта рыба высоко, дотянулась до самого солнца; яркие лучи растеклись по ее пушистому телу, охватив его сияющей каймой. Погода отменная – тепло, легкий освежающий ветерок; лежать бы на спине и смотреть на причудливое рыба-облако, наслаждаясь небесной синью, тишиной и спокойствием... Да, там, на небе сейчас хорошо, а здесь, на земле, что-то не очень. Голова тяжелая, раскалывается от боли, тело как будто чужое, но все-таки надо преодолеть себя, подняться на ноги. А то ведь растопчут, размажут по асфальту...

Не повезло мне сегодня: тормоза малость подкачали – не смог я избежать столкновения с джипом. Удар вроде бы и не сильный был, так, несколько царапин на бампере, небольшая вмятинка, ничего страшного. Но потерпевший прощать меня не собирался; он вышел из машины неторопливо, с невозмутимо спокойным лицом оценил повреждение, с тем же выражением посмотрел на меня и вдруг ударил кулаком в подбородок. Коротко ударил, без замаха, но очень мощно. И главное, неожиданно. Я даже среагировать не успел, как оказался в горизонтальном положении. Но хватит любоваться облаками, пора вставать. Я человек миролюбивый, однажды – в изрядном, правда, подпитии – на полном серьезе собирался записаться в кружок анонимных пацифистов, но будить во мне зверя лучше не стоит.

В каждом человеке живет инстинкт самосохранения, но этого зайца уже выбило из меня вражеским ударом. Остался только зверь – метр восемьдесят ростом, пятьдесят шестой размер в плечах. Кулаки, правда, не очень большие, но крепкие, как орех Кракатук... ну, мне хотелось на это надеяться.

И вот этот зверь разжатой пружиной отрывается от земли, но тут же попадает под очередной удар. Противник еще не чувствует мою силу, но уже вовсю стремится ее нейтрализовать. Все правильно – куй железо, пока горячо, а бревно ломай, пока оно не превратилось в таран.

А противник у меня, судя по первому удару, весьма опасный. Да и его вид производит устрашающее впечатление. Шарообразная голова насажена на короткую массивную шею; овальное лицо вытянуто к маленьким и мясистым, похожим на пельмени ушам; глаза узкие из-за распухших верхних век и напирających снизу щек. Маленький нос похож на расплюснутую сливу, губы толстые, рот короткий. Подбородок широкий, тяжелый, наверняка очень прочный. Лицо почему-то напоминает грубую чугунную поделку, обтянутую дубленой, красноватого цвета кожей. Даже страшно по такой бить, как бы кости кулака не раздробить.

От удара я худо-бедно уклонился. Можно даже сказать, отшатнулся. Со стороны могло показаться, будто я пугливо шарахнулся, но нет, на самом деле мое движение было вполне осмысленным, только вот равновесие меня подкачало: не успело восстановиться. Потому я уклонился от удара не совсем уверенно. Кулак мог бы врезаться мне в нос, но он всего лишь чиркнул по скуле. Больно, зато я остался на ногах и еще прочней утвердился на них. Левую руку выбросил вперед, костяшками согнутых пальцев скользнув по чугунной плоти вражеского лица. Опасения мои подтвердились – классическим боксерским ударом «монгола» пробить невозможно. А пробивать надо. Мужик, мягко говоря, не многословный, вроде бы и не злой с виду, но бить он будет, пока не урвет. Тактика у него такая – не дай врагу подняться, чтобы самому не лечь. Только я уже поднялся и даже нанес ответный удар. Если, конечно, это можно было назвать ударом.

Зато у мужика боксерская прыть – будь здоров. Не понравилось ему, что я брыкаюсь в ответ, поэтому перешел с медлительного темпа в режим рок-н-ролла. А тут еще музыка у меня через открытую дверь гремит – быстрая, агрессивная, в обрамлении лязгающих басов. Мне бы самому так «прозвучать». Но нет, меня уже самого давят «басами». «Монгол» стремительно провел «тройку» в голову – я уклонился от двух первых ударов, но не смог уйти от третьего. В голове зазвенело – такое ощущение, что посыпалось разбитое стекло; перед глазами закрутилась карусель, центробежная сила, казалось, подбросила меня к небу, под хвост прыгающей рыбе из пушистого облака. Но нет, на самом деле я оставался на земле. И даже не упал. Просто отскочил на несколько шагов назад, чтобы прийти в себя. Если получится...

В расплывающемся фокусе противник резво шагнул вслед за мной, но тут же застопорил ход. Хотя и похож мужик на монгола, но все-таки выглядел он вполне презентабельно. Дорогой коричневый костюм в тонкую, едва заметную полоску, белая с иголочки сорочка, галстук. Массивный, тяжеловесный, кривоногий. С такой комплекцией хорошо на лошади скакать, а этот на внедорожнике ездит, на большом черном «Гелендвагене». Машина хоть и не новая, но смотрится прилично, а тут я на своем стареньком автобусе со слабыми тормозами. Нестыковка... Хотя нет, стыковка-то как раз состоялась. Сначала автобус – с джипом, потом кулак – с моей многострадальной физиономией. И пьеса эта, увы, еще не закончена: акт возмездия продолжается. И хорошо, если это не будет концовкой для меня.

Любит узкоглазый подраться, и удар у него мощнейший, только вот внешняя солидность не позволяет ему гнаться за мной вприпрыжку. Потому и сбавил он ход. Неторопливо ко мне подходит, кулаки уже наготове, кривые желтоватые зубы чуть оскалены. Я тоже человек солидный, профессия у меня, в общем-то, уважаемая, да и гордость есть. Только я не стеснялся отступать. А дорога длинная, пятиться можно сколько угодно. Велика Россия, и отступать есть куда – до Москвы без малого тысяча километров. Шоссе достаточно загруженное, но сейчас машин мало – никто не мешает мне ретироваться... пардон, менять диспозицию. Нет, это не трусость, просто я еще не оправился от молотобойных ударов.

«Монгол» остановился, презрительно ухмыльнулся. Ну да, враг разгромлен, и преследовать его жалкие остатки – не царское дело. Или кто у них там за главного был, в Золотой Орде? Главный хан? Главхан?... Ну да, не главхановское это дело – гнаться за поверженным врагом.

– Иди сюда, придурок! – на чистом русском языке позвал меня этот «главхан».

Голос у него на удивление тонкий, но не звонкий, незвучный. Ему приходилось напрягать голосовые связки, чтобы докричаться до меня, даже жилы у него на шее от этих усилий вздулись. Неяркий у него голос, может, потому он и не стал говорить со мной, а сразу в драку...

А у меня голос вполне себе ничего – звучный баритон, гораздо более близкий к басу, нежели к тенору. И еще есть в нем звонкая хрипотца с чувственными нотками. Нет, это не мое мнение, так мне сказала одна из моих недавних пассий – романтическая особа с поэтическим уклоном. Возвышенная натура... В смысле волосы у нее гадким кубликом уложены, потому что химическая завивка – это что-то низкое. И платье мышинного цвета, потому что она выше всякой моды. В общем, тургеневская девушка. С потребностями развратной Мессалины. Потому и любила она возвышенности – и на рояле с ней можно было, и даже на верхней полке библиотечного шкафа, лишь бы острые ощущения проникали до самых глубин ее романтической души... Эх, оказаться бы сейчас в объятиях Инессы, этой милой и стеснительной нимфоманки в профессорских очках с простой черной рамкой и эротическими чулками на подвязках под длинным старомодным платьем. Но нет, она сейчас далеко, а «главхан» уже близко. Потому что я подхожу к нему. Перед глазами уже не плывет, сознание в норме, ноги крепко держат и перемещают центр тяжести моего тела. Но вид у меня не угрожающий, не агрессивный. Хотя и смирения перед ударами судьбы я не изображаю, просто стараюсь выглядеть спокойным и невозмутимым. Как будто ничего не произошло. Как будто челюсть не выбита, как

будто шишка на скуле не раздувается, как будто не враг передо мной, а самый что ни на есть лучший друг.

– Ты откуда такой взялся? – с пренебрежительной усмешкой спросил «монгол».

Он, помнится, ударил без предупреждения, совершенно неожиданно. И что? Со мной все в порядке. А вот как он держит удар, мы сейчас посмотрим.

Я сделал вид, будто собираюсь ответить на вопрос, но вместо этого вскинул ударную руку.

Ударил я точно так же, как и мой противник – коротко, без замаха, но, как и предполагалось, пробить бронированность его физиономии не смог. Зато «главхан» слегка опешил от неожиданности, упустил момент, который нужен был мне, чтобы размахнуться во всю ширь моей русской души. Ну и ударил я с тем же задором, от всей той самой души, по-деревенски въехал кулаком в челюсть. «Монгол» устоял на ногах, но взгляд его еще больше расфокусировался. А тут еще одна плюха прилетела, на этот раз слева. И снова справа... Только тогда мужик растормозился, ударил в ответ, но я уже вошел в раж, и остановить меня сейчас мог только контрольный выстрел в голову из противотанковой «сорокапятки», но где же ее взять?..

«Монгол» стоял на ногах крепко, но все-таки я смог его свалить. Он упал, но поднялся, правда, его тут же швырнуло в сторону, развернуло вокруг оси и опустило на задницу. Жаль, что не было под ним лужи, чтобы он мог в нее сесть. Но в грязь лицом все-таки ткнулся.

Только тогда из-за моего автобуса показалась заспанная физиономия Ивана. Вот уж кто мог справиться с «главханом» с одного удара. Роста в нем почти два метра, размах в плечах как у активного качка с десятилетним стажем. Мощный он парень, правда, рыхловатый какой-то – грудь не накачана, вместо рельефного живота хоть и небольшое, но все-таки пивное брюшко. Внешне он чем-то напоминал сказочного увальня-богатыря, которого вдруг разбудила лихая судьба-судьбинушка. «Меня?! Будить?!» Только в сказке богатыря разбудили, а Ваня проснулся сам. Богатырь все в драку рвался, и Ваня рукава на тельняшке стал закатывать... Светлые с медовой рыжиной волосы всклокочены, туповатые глаза таращатся на «главхана».

– Кого здесь бьют?

– Никого, – насмешливо хмыкнул я. – Это сон, Ваня. Спишь ты.

– Да не сплю я, – зычным, слегка гнусоватым голосом отозвался Иван.

Он любил пиво и женщин. С первым у него без проблем, были бы деньги, с женщинами сложнее, но и с ними у него получалось, если в кармане водилась звонкая монета. Но больше всего он любил спать. Это была его самая настоящая страсть. Если он заснул, то хоть из пушек над ухом пали – не разбудишь. Авария произошла, автобус въехал в джип, толчок был, а Ване хоть бы хны. Меня в асфальт раскатывали, а он спал и видел цветные сны.

– Да? Ну, тогда подключайся! – кивком головы я показал на поднимающегося с земли «монгола».

– Эй, вдвоем против одного – нельзя! – запротестовал он, в растерянности отгораживаясь от меня руками.

Нас – двое, он один, силы явно не равны. И еще его смущало, что на дороге никого не было. Машины мимо проносились, объезжая нас, но никто не останавливался. И ментов даже на горизонте не видать – некому помочь мужику... Я-то хоть на помощь Ивана мог рассчитывать, когда меня били. Мог бы заскочить в автобус, растолкать его. А сейчас Ваня на ногах, теперь у «монгола» никаких шансов...

Автобус у меня не простой. Автодом на базе «Ивеко», или просто кемпер, если называть его на американский манер. Без малого двадцать лет, пробег – восемь раз вокруг Земли по экватору, расход топлива и запчастей по цене на один километр пути примерно одинаковый. Мощность – сто пятьдесят лошадей, для такой махины этого мало, зато в салоне места много, что для двух здоровых мужиков немаловажно. У Ивана комплекция не слабая, да и меня хилком назвать мог только лютый завистник, в тесноте мы бы не развернулись. А здесь целый

автобус, почти восемь метров длиной, два с половиной метра шириной. Кухня со столовой, спальня, душ. Туалет, правда, не работал, так мы с Иваном люди не гордые, нам и до ветру нетрудно выйти. Да и незачем вонь в помещении разводить.

– Так мы тебя бить не собираемся. Но если будешь дергаться, все может быть... Ты откуда такой крутой взялся?

– Да я-то крутой, а кто ты такой? – исподлобья смотрел на меня мужик.

Досталось ему – губа разбита, нос распухал, обретая нормальные для его лицевых пропорций размеры, щелочка правого глаза совсем затянулась. И костюмчик пыльный, а на коленке неучтенная потертость.

– Да вот, экскурсия у нас, места здесь красивые. Ты не против?..

Судя по тому, что мужик резко затормозил, почему я и въехал в его джип, он был против нашего с Иваном путешествия, но я не стал сосредоточиваться на своих суждениях. Да и какое мне дело, против он или нет? Собака лает – караван идет. Хотя эта собака не столько лаяла, сколько кусала.

– Я против баранов за рулем! – зло скривился «монгол».

– Ну, так и не садись за руль! – хмыкнул я.

– Я про тебя!

Я сделал вид, что не услышал, и спросил:

– Ментов будем вызывать?

«Монгол» подошел к своей машине, еще раз осмотрел покорябанный бампер, ощупал нос, облизнул разбитую губу и, с досадой махнув на меня рукой, сел за руль. С места рванул в карьер и вскоре скукожился до маленькой точки на горизонте.

Я тоже осмотрел передний бампер, но ничего не нашел. Верней, там столько было царапин и сбитостей, что и не поймешь, какие из них появились только что. И гематому на скуле я тоже ощупал. Очень неприятное приобретение, к тому же болезненное. А еще выбитая челюсть ныла и остро стреляла, когда я широко открывал рот.

– Не нравится мне этот тип, – глядя вслед удаляющемуся джипу, с важным видом сказал Иван.

– И дальше что? – насмешливо спросил я.

– А что дальше? – глянул Иван на меня с легкой растерянностью. Парень он, в общем-то, ничего, но слегка малахольный. «А» он сказать мог, но на «Б» мозгов у него не всегда хватало. Вот и сейчас он смог выдать эффектную, на его взгляд, фразу, но на этом иссяк. Хотя должен был понимать, что, возможно, «монгол» живет в городе, куда мы держали путь, а это могло создать нам проблему. Городок небольшой, и оставалось до него, судя по карте, километров семь-восемь.

– А то, что мы с ним так и не познакомились, – сказал я и зашел в салон кемпера.

Там я сел на диван за столиком, включил закрепленный на нем ноутбук.

Иван достал из холодильника банку пива, откупорил ее, поднес к губам, но в самый последний момент замер.

– До Некрасова далеко? – не опуская головы, спросил он.

– Нет, сам доеду.

Ваня осушил банку, смял ее и выбросил в корзину. Пусть пьет, все равно водитель из него неважный, такой, что и в поворот может не всегда вписаться. Категорию «D» я организовал ему по благу, за определенную сумму, так же как, в общем-то, и себе, но у меня-то хоть с вождением все в порядке. А этому только на танке ездить – по прямой просеке через темный лес.

Я вышел в пиратскую, недавно обновленную базу данных ГИБДД.

– Номера у джипа запомнил?

– У какого джипа... А там разве джип был?

– «Гелендваген» – разве не джип?

– Э-э, джип...

Я обреченно махнул на него рукой. Если Ваня не смог запомнить марку машины, на которой уехал «монгол», то про номера лучше не спрашивать.

Ваня – это своего рода эхо моей жизненной трагедии, случившейся четыре года назад. Угораздило меня переспать с его сестрой, она залетела, хотя и не должна была. Залетела, родила, и я, как честный человек, женился на ней после этого. Верней, честным человеком в этом плане сделала меня сама Зина, причем насильственным и болезненным способом. Я сам когда-то занимался боксом, до мастера спорта дорос, но как-то не думал, что моя подружка могла оказаться сильнее меня. А ведь оказалась. Это я потом уже узнал, что Зина – чемпионка Европы по кикбоксингу. Потом узнал, после глубокого нокаута, в котором побывал.

Кто бы мог подумать, что эта милая симпатичная девушка с роскошными светло-русыми волосами может оказаться таким монстром. Но ведь оказалась. Сначала в нокаут меня отправила, а потом пригрозила, что кастрирует, причем весьма изощренным способом. Как выглядит этот изощренный способ, я выяснять не стал, но и на себе испытать сию процедуру побоялся. Да и не так уж плоха была Зина тогда, четыре года назад. Я бы даже сказал, хороша. Именно поэтому, а может, в силу некоторых изменений в системе функционирования мозга, вызванных нокаутом, меня вдруг посетило навязчивое желание жениться на ней. Ребенок не должен расти без отца! Таким вот высоконравственным я вдруг стал, что сам дошел до этой истины. Не без помощи моей Зины, однако...

Худенькой Зина никогда не была, но наличием жировой массы не страдала. Крепкие плечи, тяжелая кость, не очень стройные, но сильные ноги. Грудь небольшая, но, как и все тело, бархатная на ощупь. С ней приятно было выйти в город. Но после родов Зина стала полнеть. Не сказать, что в жиртрест превратилась, но хорошего мало. Кикбоксингом она больше не занимается, но удар у нее стал еще круче. Под горячую руку к ней лучше не попадать. Впрочем, она старается меня не обижать. И заботится обо мне, и деньги в семью приносит, дочь растит – все на ней, все на ее плечах. Мне она прощает многое. Кроме измен. На это у нас в семье наложено табу. Разумеется, Зина запрет этот мне и навязала. А вместе с ним и своего любимого брата Ваню – добродушного, ленивого, но преданного ей. Он должен оберегать меня от пагубного влияния со стороны женского пола – слабого физически, а потому коварного, как она считала. Заодно он должен был защищать меня от посягательств таких индивидуумов, как «главхан», чей след еще не совсем остыл. Должен был, но не защитил, потому что проспал. Ну, все как обычно...

Я сам вбил в поиск номер и марку машины и тут же получил ответ. Струков Федор Борисович, одна тысяча девятьсот семьдесят первого года рождения, место прописки – город Некрасов, там же и зарегистрировано транспортное средство. Но не факт, что я сегодня имел дело с этим Струковым. Возможно, «монгол» был всего лишь его водителем. «Гелендваген» чаще всего используется как машина сопровождения, в таких джипах ездит охрана. Но ведь охрана – это как раз самые опасные люди – серьезные, злые, а главное, быстрые на расправу – и кулаками до смерти могут забить, и голову прострелить. Да и не важно, кто находился за рулем «Гелендвагена», Струков или его водитель. Не в этом соль, а в том, что «монгол» живет в Некрасове, куда я стремился по долгу службы. Как бы не свалился мне там «главхан» на голову. Город этот небольшой, и тем выше вероятность встречи с ним. Что ж, буду надеяться на свои кулаки. Да и Ваня, по идее, должен прийти на выручку. Ну а если вдруг дело дойдет до крайности, придется брать за оружие. В кобуре у меня – травматический «макарыч», в сейфе – охотничий дробовик, в тайнике – три неучтенных «стечкина». Увы, за тридцать лет своей жизни я успел усвоить, что лучшим аргументом против автомата является пулемет, ну а дальше по нарастающей – гранатомет, гаубица, танк, штурмовик с крылатыми ракетами. Чем круче оружие, тем больше шансов переспорить противника...

Впрочем, я надеялся, что до столь жестоких страстей дело не дойдет. Хотя бы потому, что вряд ли мы задержимся в Некрасове надолго. Возможно, уже сегодня вечером мы с Ваней отправимся в обратный путь.

Глава вторая

Товарищ Ленин звал народ в светлое коммунистическое будущее. Хитромудрая улыбка на лице, одна рука указывает в этот самый рай для мирового пролетариата, а вторую он держит в кармане... С таким видом держит, как будто прячет фигу от народа. Указывает в будущее, а сам стоит на месте, и нет в его позе никакого желания двигаться вслед за народом. «Вы, товарищи, давайте вперед сквозь вихри враждебные, вперед и с песней, а я здесь постою. Нас и здесь неплохо кормят. Вот, баночку меда наворачнул, и ни жу-жу...» Так и стоит эта глыба посреди городской площади. Народ все время куда-то движется – кто-то лесом, кто-то огородами, а он стоит себе...

Городок небольшой, провинциальный... Здание районной администрации большое, в дореволюционном стиле, каменное, с металлическим шпилем на маленькой круглой башенке. Возможно, в далеком прошлом этот дом принадлежал какому-нибудь предводителю дворянства или главе местного купечества. От этого здания, окружая главную городскую площадь, тянулись дома попроще, но такие же каменные, старинной постройки, одно- и двухэтажные. Кирпичный универмаг – это уже достижение советских времен, строили его наверняка после войны. От площади в разные стороны расходились улицы, вдоль них дома сплошь бревенчатые, но на каменных фундаментах, потому и стоят все основательно, без перекосов. Кто-то ухаживает за своим домом, кто-то не очень, но в целом складывается симпатичная картинка. Чувствуется, что есть в городе хозяин, смотрит он за порядком, потому и не захламлено пространство между дорогой и заборами домов, как это не раз приходилось видеть. Блеска нет, но чистенько здесь, аккуратно. И ощущение такое, как будто в старине вдруг оказался. Здесь русский дух, здесь Русью пахнет.

Если бы еще местных парней и девчонок выдернуть из джинсов и футболок, надеть на них косоворотки да сарафаны... Ну, еще неплохо было бы старенькие «Жигули» на брички с упряжкой заменить. Тогда можно было бы разворачивать холст и браться за кисть. Рисовал я плохо, но в моем арсенале имелся фотоаппарат высокого разрешения – можно было бы запечатлеть далекое прошлое. Но не для того я в Некрасов приехал. Да и не было здесь косовороток. Молодежь в джинсах, бабы в халатах, мужики в армейском и милицейском камуфляже. Машины – «Жигули», старенькие иномарки, хотя на площади навстречу нам промчался новенький «Икс-пятый» «БМВ». И еще я видел телегу на резиновых колесах, ее неторопливо тянула старая кобыла, оборудованная системой вентиляции в виде слипшегося хвоста, которым она отмахивалась от мух и прочих слепней.

Навигатор показывал мне направление и уводил все дальше от центра. Дорога плавно свернула влево и пошла вдоль большого длинного озера с изумрудной водой. Слева тянулись бревенчатые избы вперемежку с кирпичными домами, справа – за камышовой порослью дремала в тишине под солнцем спокойная водная гладь. На том берегу вдалеке виднелся монастырь. И снова я подумал о фотоаппарате, но так и не взялся за него.

В Некрасов я приехал по делу – человека мне надо найти, Караваева Альберта Викторовича, восемьдесят четвертого года рождения, двадцати шести лет от роду. Частным сыском я занимаюсь; работа, может, и романтическая, но непростая и связанная с командировками.

Контора моя зарегистрирована в Москве, ничего особенного в ней нет, никаких необычных услуг я не оказываю. Частные сыскные агентства занимаются тем же самым, на том же профессиональном уровне, но так уж устроен русский человек, что искренне верит, будто детектив из Москвы справится со своей работой намного лучше, чем такой же сыскарь, ну, например, из Урюпинска. Потому и приходилось мне принимать заказы из других, далеких от Москвы регионов. Каюсь, брал я за свои услуги немало, раза в два как минимум, чем коллега с периферии. Принимал заказ к исполнению, выезжал на место и работал на пределе сил и возможностей.

Работы хватало и в Москве, но все-таки я предпочитал трудиться в регионах. И страсть к путешествиям здесь ни при чем. Просто, как человек честный и порядочный, я дал себе установку не изменять жене в Москве, а на выезде позволял себе нарушать ее без всякого на то сожаления. Нет, я не мстил Зине, это слишком низко для человека, который уважает себя и может постоять за свою честь. Да и не за что ей, в общем-то, было мстить. Может, и отправила она меня в нокаут сгоряча, но так ведь, по большому счету, я мог дать ей сдачи. Натура у меня такая, что я иду до конца, пока не свалюсь замертво. И от Зины я мог бы отбиться, если бы очень этого захотел. Но так ведь не захотел. Я сам, по своей воле объявил ее победителем, потому и сдался ей на милость. Только вот моя кобелиная сущность продолжала вести борьбу за свою независимость. Дело не в жене, дело во мне. И то, что я хранил ей верность в Москве, – это уже великий для меня подвиг. А командировка – это отдушина, без которой я бы задохнулся в своей жизни. Потому за работу на стороне я брался с удовольствием, хотя старался не злоупотреблять. Зина не дура, она подозревала, почему я стремлюсь работать на выезде, потому и приставила ко мне своего брата. Но так ведь и я не дурак и сумел подобрать к Ване ключик. Я помогаю ему снять женщину, а он закрывает глаза на мои проделки. Так было раньше, так будет и сейчас. Если, конечно, попадется достойный моего внимания объект...

Некрасов – особый случай. Я ехал сюда не начинать, а продолжать свою работу. Все началось в Кирове, где и поступил заказ. Мы приехали туда с Иваном, я развернул бурную деятельность, выяснил, что пропавший Альберт Караваев устроился работать экономистом на завод железобетонных конструкций, руководил которым некий Ремезов Эдуард Андреевич, уроженец города Некрасов. Тогда, четыре года назад, Альберт только что окончил институт, опыта работы не имел, поэтому в экономический отдел его взяли на стажировку. Дескать, работай пока задаром, а там будет ясно, брать тебя в штат или нет. Существует такая изощренная форма добровольного рабства, и Ремезов ее практиковал. Караваев не сопротивлялся, поскольку родители его, люди далеко не бедные, могли содержать сына. Через пару месяцев после того, как он устроился на работу, владельцы завода сменили руководство, Ремезов и его сестра остались не у дел, а вслед за ним исчез и сам Альберт. Родители не знали, что делать, обращались в милицию, нанимали частных детективов, но сына так и не нашли. В конце концов они вышли на меня, связались со мной через Интернет, мы договорились об оплате, и я приступил к делу.

За день работы мне полагалась весьма приличная сумма, плюс очень солидное вознаграждение за найденного сына. Далеко не каждая семья могла позволить себе такие траты. Неудивительно, что меня заинтересовало материальное положение семьи Караваевых. Жили они в роскошной квартире в центре города, имели загородный дом, своя оконная фабрика у них. Вот и возник у меня вопрос, почему сын выбрал завод железобетонных конструкций, хотя мог устроиться на работу к отцу с перспективой занять место генерального директора. Караваевых мой вопрос не удивил, у них был на него ответ. Характер у Альберта не подарок, парень избалованный, раздербанный, то ему не так, то не эдак. В общем, не жаловал он родителей и не хотел работать у отца. Дескать, он сам себе голова и не учите меня жить. Взбунтовался парень против родителей, что ж, бывает. Но почему именно Ремезов привлек его внимание? Это могло быть обычным совпадением – ведь не работа же выбирает человека, а наоборот. Где была вакансия, туда парень и подался. Но я стал копать глубже и узнал, что у Ремезова была младшая сестра Настя, на тот момент двадцати пяти лет от роду. Она была на три года старше Альберта, но это не помешало им закрутить роман. Женщина, говорят, она была очень симпатичная, но вдова и с ребенком, которого потенциальные женихи воспринимают как ненужный довесок. К тому же суеверный мужчина на вдове не женится, а кто сейчас без предрассудков? В общем, особых шансов устроить свою жизнь у Насти не было. Но тут подвернулся Альберт, и она не упустила возможности захомутать его. Это с родителями у него дурной характер, а с Настей он повел себя иначе, пошел у нее на поводу. Не знаю, дошло ли дело до загса – выяснить

я это не смог, поскольку знал только девичью фамилию Насти, а ведь она до встречи с Альбертом успела побывать замужем. Зато я знал, что из Кирова они уехала вслед за братом, в свой родной город. Чутье подсказывало мне, что Альберта нужно искать в Некрасове, поэтому я и сам отправился сюда. Чутье у меня, может, и не самое тонкое, но подводило оно меня редко. Хотя и подводило. И еще это чутье не казалось мне достаточным основанием, чтобы ехать из Москвы в Некрасов на кемпере. Слишком большое это расстояние для таких путешествий на старом и медленном автобусе, а уверенности в том, что Альберт находится здесь, не было. Но так ведь от Кирова до Некрасова всего сто семьдесят километров, не так уж это и много. А в Кирове я работал больше недели, пытаюсь отыскать след Караваева, и кемпер мне там был нужен, поэтому он сейчас со мной как та ракушка для улитки...

Автобус остановился напротив небольшого деревянного домика с резными наличниками и жестяным петухом на крыше. Бревна обиты свежей вагонкой, стены выкрашены в жизнерадостный бежевый цвет, забор низкий, но видно, что поставили его недавно – ровно стоит, штакетинка к штакетинке, краска на солнце блестит. Елочки перед домом посажены, дорожка бетонная к крыльцу ведет, садовые деревья ухожены. Видно, что хозяин следит за своими владениями. Но машины во дворе не видно, и места под нее нет. Значит, владельцы этого дома живут небогато. А Ремезов хорошие деньги в свое время поднимал, на иномарке дорогой ездил. Да и вряд ли он ушел на пустое место.

– Приехали!

Я остановил машину, глянул на часы. Половина третьего пополудни – рабочий день в самом разгаре. Сейчас я узнаю, что сестры Ремезовой в городе нет, выясню, где она живет, и мы отправимся в обратный путь. Почему в обратный? Да потому, что она может жить в том же Кирове, возможно, вместе со своим новым мужем... Хотя и не факт, что живет она там. Если так, то придется выяснять, куда ехать. Главное, мы добрались до печки, от которой теперь будем плясать.

– Я смотрю, озеро тут! – Ваня спросонья потянулся, зевнул во всю глотку, засветив свои гланды. – Исккупаться можно?

– Можно. Только здесь раки большие.

Я проехал чуть вперед, чтобы не оставлять автобус напротив дома, вышел из него, пересек дорогу с потрескавшимся от времени, выщербленным, но все-таки асфальтом.

Вызвать хозяйку мне помог лохматый двортерьер, который со звонким лаем выскочил из будки. Судя по его поведению, пес этот не злой, просто косточки ему после сна размять надо. И хвостом собака махала дружелюбно, будто радуясь мне.

Дверь открылась, и на крыльцо вышла благообразная старушка в белом платочке. Теплый солнечный день на улице, а на ней платье шерстяное. Возраст у женщины такой, когда кровь плохо греет, а старым костям тепло нужно. Это все понятно, но платье на ней не деревенское. Не новое уже, но недешевое. Возможно, с дочкиного плеча. Калоши на ногах, но не те, что продаются в сельпо. Под туфли калоши эти сделаны, даже шнуровка на них обозначена... В общем, стильная старушка. Она смотрела на меня настороженно, но с наползающей на губы добродушной улыбкой. Не видит она во мне опасного человека, не кажусь я ей подозрительным. Даже при том, что шишка на скуле раздулась, синевой налилась.

– Здравствуйте! – Я широко улыбнулся, приветствуя старушку.

Хотелось произвести благоприятное на нее впечатление, поэтому в сияние улыбки я вложил душу. Это нетрудно, если есть опыт. Четыре года в государственном сыске, еще три – в частном. До уровня Шерлока Холмса, может, я и не дорос, но на недостаток профессионализма не жалуюсь. И большинство клиентов тоже. Не скажу, что большинство это подавляющее, но тем не менее...

– Мне бы с Настей поговорить. Я так понимаю, вы ее мама?

– Да, я ее мама. Варвара Степановна меня зовут, – тонким звонким голоском сказала женщина.

Она открыла калитку, протянула мне руку, взяла под локоток и увлекла за собой во двор.

– А собака? – спохватился я.

– Не бойся, Игорь, она не кусается.

Игорь?! Старушка назвала меня Игорем. Значит, она приняла меня за кого-то другого. Я не заметил, чтобы она подслеповато шурилась – видимо, со зрением у нее все в порядке. Если так, то этого Игоря она и в глаза никогда не видела. Но знает о его существовании.

– Да я не боюсь.

Пес ткнулся носом в мою ногу, затем поднял голову, с особой собачьей теплотой глядя на меня. Чувствует, что хозяйка приняла меня за своего, и сам проникся ко мне. Не бойся, говорил его взгляд, я не укушу и на ногу не помочусь, не оставлю на джинсах мокрую метку.

Женщина провела меня в дом, посадила за круглый стол в светлой горнице, сама заняла место напротив, подложив под подбородок сцепленные в замок ладони. Добродушно смотрит, с теплой улыбкой и горячей надеждой.

– Насти-то пока нет. Но вот-вот будет, – с характерным для этих краев нажимом на «о» сказала она. – Ой, я сейчас чай поставлю!

Варвара Степановна поднялась со стула легко, как сорванная ветром пушинка. Я осмотрелся. Буфет старинный в горнице, трельяж из семидесятых годов, на древнем комодe стоит современный телевизор – небольшой, но плазменный. На окнах чистые занавески с вышитым узором, на трюмо и буфете салфетки из той же серии. Образа в «красном» углу, фотографии на стенах. Немолодой мужчина в солдатской пилотке и с буденновскими усами под крупным широким носом, рядом красивая девушка в платке с ясными, как у Варвары Степановны, глазами. Рядом фотография того же мужчины, но заснятого в гордом одиночестве. А гордость его подчеркивали награды на солдатской гимнастерке: два ордена Красной Звезды с одной стороны, а с другой – несколько медалей, в том числе и юбилейные. Видно, что фотография уже послевоенная, но еще тех времен, когда ветеранов юбилейными медалями не очень баловали. Ордена стопроцентно боевые, честно заслуженные в боях, и медали «За отвагу» и «За боевые заслуги» тоже не военкоматом выданы. Хотя, конечно, бывает, что награда находит героя через время. А случается, что и не героя вовсе. Знал я одного такого ветерана – наград полная грудь, каждый год на юбилейный Парад Победы ездил, нам, школьникам рассказывал, как доблестно он воевал на фронтах войны. А однажды не пригласили его на парад, и это его не просто возмутило, а чертовски взбесило. Ну и наката! Этот герой телегу на военкома. Стали разбираться, поднимать архивы, оказалось, что дедушка действительно ветераном войны оказался. Только не с той стороны воевал он, полицаем был. Особо не зверствовал, поэтому после войны всего десять лет лагерей получил. Отсидел, в родные края подаваться не стал, осел в нашем городе, украл у кого-то боевой орден, справил фальшивый документ, даже на учет в военный комиссариат как ветеран войны встал, юбилейные медали щедро получал. А на старости лет еще и обнаглел дальше некуда... Но, глядя на орденосца с фотографии, я почему-то не сомневался в его героизме. Не было сомнений и насчет того, что рядом с ним находилась нынешняя Варвара Степановна.

Привлекла меня и другая фотография. Все тот же мужчина, но уже не с черными, а седыми, увядшими усами, рядом – уже немолодая Варвара Степановна, между ними совсем еще молодой Эдик Ремезов, который обнимал, прижимая к себе красивую девочку лет четырнадцати. Фотографию Ремезова я нашел в отделе кадров, а как выглядела Настя знал, только с чужих слов. Если она такая же красивая, как на этом старом снимке, то я пропал. Черные как смоль брови, большие глубокие глаза, волнующие черты лица. Мне говорили, что Настя просто симпатичная, но если это так, то ничего удивительного. Если девочка красива в четырнадцать лет – это совсем не значит, что она не подурнеет к двадцати годам.

Варвара Степановна подошла ко мне тихонько. Я не услышал ее шагов, но спиной почувствовал ее приближение.

– Андрей Николаевич наш статным был мужчиной, – вздохнула она. – Царствие ему небесное!

– Ушел?

– Ушел. Девять лет как ушел. И меня к себе зовет.

– Всех нас кто-то к себе зовет, – ради красного словца сказал я. – Тут, главное, не отзываться.

– А я вот отзываюсь. Дети выросли, внук есть. Все в этой жизни устроены, им от меня ничего не нужно. А если не нужно, то и меня здесь ничего не держит.

– А внука нянчить кто будет?

– Да он уже большой, десять лет ему. И с матерью он живет... Но если вдруг тебе, Игорь, Славик будет в тягость, я его к себе заберу, – расстроилась и вместе с тем обрадовалась старушка.

Не понравилось ей, что ее внук может быть в тягость какому-то там Игорю, но, с другой стороны, ей хотелось ощущать хоть какую-то нужность. Только вот радость ее как-то уж очень тускло прозвучала.

– А почему внук один? – уклоняясь от скользкой темы, спросил я. – Детей у вас много, а внук один?

– Детей двое, больше бог не дал... – вздохнула женщина и набожно перекрестилась на образ. – И то поздно дал, мне почти тридцать-то было, когда Эдик появился... У Эдика детей нет, у Насти только один сын. Может, вы меня с ней порадуете? – с надеждой спросила она.

– В смысле ребенка сделать?.. А почему ваш Эдик стараться не хочет?

– Ну, он, может, и старается, – с горечью, как мне показалось, усмехнулась она. – Да только ничего не получается. Богом ему не дано детей иметь.

– Почему?

– Потому что... Потому что потому, – ушла от ответа Варвара Степановна.

Есть масса причин, из-за которых мужчина может стать бесплодным. Тут и свинка с осложнениями, и заболевание щитовидной железы, еще и отморозить можно... Всего и не перечислишь. Да меня и не волновало, отчего Ремезов не мог иметь детей.

– А может, в жене дело? – спросил я.

Три с половиной года назад Ремезов не был женат, но время идет, семейный статус меняется. И мне бы хотелось знать, насколько у него жизнь в этом плане изменилась.

– В жене дело?.. Да, в жене... Любит он ее очень. Ни с кем больше не хочет... Ну да ладно...

Я озадаченно поскреб пальцами подернутую щетиной щеку. И Ремезов, получается, бесплоден, и его жена. Такое тоже, наверное, бывает. Но почему тогда Варвара Степановна сожалеет о том, что ее сын не может нагулять ребенка на стороне?.. Или не сожалеет она? Может, напротив, гордится тем, что Эдик такой порядочный мужчина, что не изменяет жене. В отличие от некоторых. Но если гордится, почему так безрадостно? Или просто тоска по неродившимся внукам сожрала радость?

– Главное, чтобы у тебя, Игорь, все было в порядке, – проникновенно посмотрела на меня женщина. – Нам внуки нужны... А если Славик тебе в тягость, так он у меня пожить может...

– А почему он должен быть мне в тягость? Что, были инциденты?

– Это ты о чем, Игорь? – непонимающе глянула на меня Варвара Степановна.

– Ну, может, был у Насти муж, которому Славик был в тягость?

– Был-то у Насти муж. И Славик не мог быть ему в тягость. Потому что погиб он еще до его рождения. На мотоцикле разбился...

– Так это первый муж.

– А больше у нее мужей не было.
– Что, и ни с кем больше она не встречалась?
– Ну, может, и встречалась, я не знаю, – смутилась старушка.
Знала она все, просто дочь выдавать не стала.
– А из Кирова она одна приехала?
– Из Кирова-то?.. С Эдиком они приехали...
– Ну, Эдик ее брат. А меня ее парень интересуется. Она должна была с парнем сюда приехать. Альберт его зовут...
– Альберт?! – всполошилась вдруг женщина.

Где-то в глубинах сознания у меня вспыхнул ярко-красный огонек. Собака Павлова реагировала на условный сигнал, так и внутри у меня вздыбился охотничий пес. А сигнал ему подал я сам. Потому что уловил сильное волнение в поведении женщины. Определенно, имя Альберт ей было знакомо. Что ж, теперь моего сыскного зверя не остановить.

– Да, его звали Альберт, – кивнул я, пристально глядя на нее.
– Не знаю такого, – соврала Варвара Степановна.
– Точно не знаете?
– Не знаю!
– А если хорошо подумать?
– Не знаю я ничего. – Женщина смущенно отвела взгляд в сторону.
Не умела она врать, потому и выдала себя с головой.
– А мне кажется, что знаете.

Я достал из висящей у меня на боку борсетки фотографию Альберта, показал ее женщине. Она глянула на нее, внутренне съежилась и отвела в сторону взгляд.

Таких парней, как Альберт, называют смазливими. Правильные черты лица, пышные смоляные волосы, пронзительный взгляд, но ему не хватало мужественности, чтобы назвать его красивым. Женоподобным его не назовешь, но все-таки была в нем противоестественная для мужчины нежность, и еще эта капризная линия рта очень портила его как представителя сильного пола. И взгляд какой-то жидковатый... Да и характер у него истеричный, немужской, если судить по словам родителей. Потому и привередничал он перед ними... А потом еще и отомстил, сбегав с Настей. Мог бы и весточку хоть какую-то подать, так нет, зарылся как крот в землю... Или зарыли?..

– Узнаете? – спросил я.
– Нет, не узнаю, – нервно мотнула она головой.
– Точно не узнаете?

В это время за окном послышался веселый лай, Варвара Степановна почуяла гостя, бодро кинулась к двери, радуясь тому, что случай избавил ее от необходимости отвечать на неудобный вопрос.

Глава третья

В комнату она вернулась вместе с красивой женщиной лет тридцати, в которой я узнал Настю. Как я и предполагал, она очень похожа была на ту юную девочку с фотографии. Те же черты лица, те же глаза, те же пухлые, четко очерченные губки. Только брови не столь уже пышные – выщипанные они, тонкие, хотя и густые. И черты лица уже оформившиеся, зрелые и слегка подточенные временем. Одета она была просто – джинсы, футболка, но выглядела при этом очень стильно. Потому что ухожена «от» и «до», а точнее, от педикюра на пальцах до шелкового лоска темных волос...

Она действительно была красивой. А то, что не замужем, так есть такое понятие, как венчик безбрачия. Был у нее муж, но счастье продолжалось недолго, если судить по возрасту ее ребенка. Двадцать девять лет ей, а сыну десять, значит, родила она в девятнадцать. А мужа к этому времени уже не было, ведь он разбился еще до его рождения.

– Мама, кто это? – недоуменно спросила Настя.

Она рассматривала меня с интересом. Не хочу хвалиться, но мужчина я видный, женщинам нравлюсь, и эта на меня запала. Проблемы у нее с мужиками, потому и засматривается она на них с надеждой на взаимность. Но все-таки возмущение в ней сейчас пересиливало женский ко мне интерес.

– Как это кто? – удивленно протянула Варвара Степановна. – Игорь!

– Это не Игорь!

– Как это не Игорь? Игорь я!

На самом деле звали меня Константином, но признаваться в этом значило навлечь на себя еще больший гнев. А так меня зовут Игорь. А то, что не тот Федот, так это уже не ко мне вопрос. Меня называли Игорем, позвали в дом, я принял предложение – где здесь моя вина?

– Игорь, – растерянно кивнула старушка.

– Это не тот Игорь, – встряхнула головой Настя.

– А какой вам нужен?

Улыбка у меня широкая, белозубая, и, как показывал опыт, ею хорошо удавалось сглаживать возникающие неловкости. Но Настя еще больше нахмурилась. Да и Варвара Степановна смотрела на меня строго.

– У Насти жениха Игорем зовут, – сердито сказала она.

– Это не мой жених.

– Так я и не настаиваю, – пожал я плечами.

– Он про Альберта спрашивал, – вспомнила и обличительно ткнула в меня пальцем Варвара Степановна.

– Про какого Альберта? – заметно растерялась Настя.

Я ждал, что старушка сейчас проговорится. Такой, мол, и такой Альберт. Но, увы, мои надежды не оправдались. Во всяком случае, сейчас.

– Не знаю.

– Вот про этого!

Я протянул Насте фотографию пропавшего парня.

– Узнаете?

Отклика пришлось ждать долго, минуты две. В течение этого времени я наблюдал борьбу «за» и «против», выраженную в мимике ее лица.

– Вы кто такой? – наконец спросила она.

– Частный детектив, – не стал обманывать я. – Ищу Альберта. Он пропал четыре года назад...

– И что, его до сих пор не нашли? – изобразила удивление Настя.

- Вы его знаете?
- Ну, конечно, знаю... Мы с ним встречались... А я обязана отвечать на ваши вопросы?
- А вы думаете, что нет?
- Насколько я понимаю, никаких санкций у вас нет?
- А какие санкции вам нужны? На ваш арест? Думаете, надо?
- Ничего я не думаю...

Механическим, едва ли осмысленным движением Настя поставила свою сумку на стул, устало, если не сказать, обессиленно села за стол. Сумка у нее большая. Я хоть и не претендую на звание «английского ученого», но все-таки кое-какими жизненными наблюдениями располагаю. Вот, например, я заметил, что чем больше у женщины ее дамская сумка, тем больше в ее жизни проблем. Чем эта сумка меньше, тем счастливей женщина. И Настя лишь подтвердила это мое наблюдение. Если она, конечно, действительно не очень счастлива.

Так это или нет, но мне уже хотелось ее осчастливить. На одну-две ночи... Да, такая вот моя сущность. Мне бы на деле сосредоточиться, а у меня мысли вразнобой пошли от женской привлекательности... Не очень приятно осознавать этот факт, но ведь человек – часть живой природы...

- Удостоверение хотя бы покажите.

Она посмотрела на меня устало, но с явным желанием взбодриться, взвинтить темп нашего разговора, наброситься на меня и, по возможности, разорвать на части – в переносном, разумеется, смысле. А вдруг в буквальном?

- Вы хотите со мной познакомиться? – попытался я отделаться шуткой.
- Нет, я хочу знать, кто вы такой. Вдруг вы какой-то проходимец, я вызову милицию.

Для большей убедительности Настя потянулась к своей сумочке, достала оттуда мобильный телефон – розовый, со стразами.

- Ну, хорошо.

Я достал удостоверение частного детектива, предъявил ей.

– Плотников Константин Алексеевич... – прочитала она. И с осуждением глянула на меня. – А говорили, что Игорем зовут.

– Брата моего Игорем зовут, – на ходу сочинил я. – Мама нас часто путала, его Костей называла, меня Игорем...

- Врать где научились? – раскусила меня Настя.
- Ну, с кем, как говорится, поведешься... Работа у меня такая, часто приходится иметь дело с врунами. Так они вроде нормальные люди, но им же выкручиваться нужно, вот и врут напропалую... Я не говорю, что врут все без исключения, но случается.

Я так выразительно посмотрел на Настю, что она приняла все на свой счет. Именно на это я и рассчитывал.

- Я не вру... Я действительно знаю Альберта.
- Это я и хотел от вас услышать.
- Услышали?
- Что, пора и честь знать?
- Ну, если вы такой догадливый...
- Я Альберта ищу, если вы Анастасия Андреевна, этого не поняли. Я должен его найти и вернуть родителям.

– Я почему-то думала, что он давно уже нашелся. И мне кажется, что это действительно так, – сказала она, с напряжением глядя мне в глаза. Напряжение это было вызвано желанием удержать взгляд, чтобы не вильнул он в сторону, не выдал фальшь и лукавство.

- Тогда почему я здесь?
- Это меня и удивляет.
- Я знаю, вы встречались с ним в Кирове.

– Да, я с ним встречалась.

– И на работу к брату вы его устроили?

– Ну, я сказала, что есть вакансии, он согласился...

– Это при том, что у его родителей своя фабрика.

– А это уже не ко мне. Это к нему. Я же не виновата, что он своих родителей терпеть не может.

– Да, вы в этом не виноваты... В сентябре две тысячи шестого года вашего брата уволили.

– Я бы сказала, он сам уволился.

Я мог бы с этим не согласиться. Дело в том, что Ремезов приворовывал, мне даже показали схему, по которой он действовал. Зарегистрировал фирму, отгружал ей товар по заниженной за счет скидок цене, а дальше товар уходил по реальной стоимости. Разница, разумеется, шла Ремезову в карман. А руководила этой фирмой его сестра, она-то и сбывала строительные материалы. Владельцы завода вывели Эдуарда Андреевича на чистую воду, но, чтобы не порочить репутацию своей фирмы, спустили это дело на тормозах. Просто уволили Ремезова, на этом все и закончилось. Но говорить об этом Насте я не стал. Зачем толочь в ступе и без того мутную водицу?

– Это неважно. Важно, что ваш брат уехал, а вместе с ним уехали, Настя, и вы. И вы, и Альберт с вами...

– Да, он уехал вместе со мной.

– Где он сейчас? – подошел я к главному вопросу.

Но, как и ожидал, услышал короткое «Не знаю». Оказывается, Настя решила с ним расстаться и выставила его за дверь.

– Я попросила Эдика, и он отвез Альберта домой.

– В Киров?

– Да, в Киров... Он собирался строить завод, ему нужно было снять деньги в банке...

– Где он собирался строить завод?

– А это уже вас не касается, – грубо отрезала Настя.

– А это что, тайна?

– Надеюсь, вам знакомо такое понятие, как коммерческая тайна? – продолжала дерзить она.

– Да, но эту тайну придется открыть. Думаю, компетентные органы этим займутся, – в отместку пригрозил я.

– Это еще почему?

– Ну, во-первых, откуда деньги на свой завод? А во-вторых, куда подевался Альберт? Что, если ваш брат, Настя, не отвез его в Киров? Что, если он... ну, например, заставил его строить завод?

Я был далек от такой мысли, но мне нужно было растормошить Настю, заставить ее оправдываться. Чем выше поднимется вода в тихом омуте, тем легче разглядеть чертей на его дне.

– Строить завод? Кто, Альберт? Я вас умоляю! Да таких белоручек свет не видывал! – с пренебрежением к своему бывшему парню засмеялась Настя.

– Ну, вчера белоручка, а сегодня раб. Рабский труд у нас вне закона, но инциденты случаются. И будут случаться. Потому что раб – это такая же древняя профессия, как вор и проститутка. Пока есть спрос на рабский труд, на краденое и на женское тело, эти явления не искоренить, – уверенным тоном выдал я.

– Вы философ? – не без ехидства усмехнулась она.

– Нет. Просто я сталкивался со всем этим. Сам, как раб на галерах, вкалываю, воров ищу, все такое.

– А все такое – это спрос на женское тело? – попыталась уколоть меня Настя.

Чем выдала свои тайные мысли. Если, конечно, она действительно хотела, чтобы ее тело пользовалось спросом – и ни у кого-то там, а у меня. Так это или нет, но хотелось на это надеяться.

Чем отличается пессимист от оптимиста? Один считает, что стакан наполовину пуст, а другой – полон? Может быть. Но есть и другая версия. Пессимист считает, что все женщины – шлюхи, а оптимист на это надеется...

– Вы хотите об этом поговорить? – парировал я.

А тело у нее хорошее. Грудь большая, тазовая кость широкая, а талия хоть и не самая тонкая, но изгибы волнующие, манящие. Ноги не очень длинные, слегка кривоватые, зато задние опции выше всяких похвал... Ну, почему я такой ненасытный, а?.. Нет, я, конечно, не стыжусь своих внутренних и внешних побуждений – что естественно, то не всегда безобразно. И все-таки вопросы порой возникают.

– Только не сейчас.

– А когда?

– Ну, если это вам так интересно... – с насмешливым кокетством повела она бровью.

– Интересно. Но по-настоящему мне интересно, куда делся Альберт. Насколько я понял, он работал на строительстве вашего завода?

– Вы издеваетесь? – возмутилась Настя. – Не строил он завод!

– Не знаю, не знаю.

– Да и завод уже построен.

– Знаете, как строился Петербург? На костях крестьян. Петербург построен, а крестьяне в земле остались лежать. Вдруг и Альберт загнулся на строительстве. Он же белоручка, его надолго не хватит...

– Зато тебя хватает! – в резком тоне перешла на «ты» Настя. – Хватает на то, чтобы пороть чушь без остановки... Завод строили специалисты, по технологии быстровозводимых модульных конструкций. Не было там никаких рабов...

– Не верю.

– А кого это волнует, веришь ты или нет?

– Думаю, это волнует уголовный розыск.

– Это угроза?

– Нет, это реальная перспектива...

– Хорошо, давай поедem на завод, и ты сам во всем убедишься.

– Меня ваш завод не интересует. Мне интересно знать, куда делся Альберт.

– Я же сказала, Эдик отвез его в Киров.

– Сомневаюсь...

– Но все так и было.

– Надо было сдать его на руки родителям.

– Он что, ему нянька? – ехидно фыркнула Настя.

– На самом деле не смешно. Ты же знала, что у него конфликт с родителями, и твой брат это знал. Вы должны были понимать, что домой он не пойдет. А значит, если вы его взяли, то должны были вернуть под расписку. Но расписки не было. Значит, вы его не возвращали. Похитили, но не возвратили...

– Кого мы похитили? – От возмущения Настя открыла рот.

– Это вопрос не ко мне. Это вопрос к прокуратуре. Если я не найду Альберта, придется подключать прокуратуру, милицию, пусть они разбираются, что да как...

На какой-то момент Настя зависла в раздумье. Перегрузка длилась недолго.

– А если не было здесь Альберта?

– Но ты же сказала, что был...

– А кто докажет, что был?

– Будем работать со свидетелями. Начнем с твоей мамы... Кстати, почему она не хотела признаваться, что знает Альберта?.. Варвара Степановна, почему вы не признались? – глянул я на притихшую старушку, которая сидела на краешке дивана, обеими руками держась за подлокотник, и растерянно смотрела на меня.

– Не трогай мою маму! – сквозь зубы угрожающим тоном проговорила Настя.

– И все-таки?

– Я сейчас вызову милицию!

– Да? Я как раз сейчас туда собирался ехать.

– Давай езжай!

– И все-таки, где Альберт?

– Ты случайно не от осла произошел? Почему ты такой упертый? Тебе же сказали, что Эдик Альберта в Киров отвез. Там и оставил. А почему он домой не пошел, это вопрос к Альберту!

– А могу я с Эдиком поговорить?

– С каким Эдиком? – Настя пренебрежительно скривила губы. – Для тебя он Эдуард Андреевич!

– Ну, хорошо! Я могу поговорить с Эдуардом Андреевичем?

– Я же тебе все сказала, что ты еще хочешь знать?

– Я отсюда не уеду, пока не поговорю с твоим братом.

– Хорошо, я договорюсь с ним о встрече.

– Ты его секретарша?

– Нет, я его заместитель... Оставь номер своего телефона, я позвоню, скажу, где, когда.

Я исполнил Настину просьбу, в обмен хотел узнать номер ее телефона, но получил отказ. Настаивать я не стал и собрался уходить.

– Эдуард Андреевич сегодня на объекте, – немного смягчилась она. – Сегодня ты с ним по-любому не встретишься. Ты где остановишься, в гостинице?

– Ну, гость я не желанный, на постой проситься не буду, – насмешливо сказал я.

– Гостиница у нас не очень: тараканов много. Если хочешь, можешь остаться у мамы. Мама, примешь гостя?

– Ну, я не знаю, – пожала плечами Варвара Степановна. – Как скажешь, дочка.

– А как же Игорь? – вспомнил я. – Придет к тебе жених, а тут я. Непорядок.

– Игорь сюда не ходит. У меня свой дом, – высокомерно сказала Настя.

Похоже, она гордилась своим собственным домом. Только вот Игорь ее, кажется, не очень устраивал, потому и взгрустнулось вдруг. Ей бы чего-нибудь поинтересней, повесомей. Но, как говорится, на безрыбье и рак за радость...

– Жаль.

– Что жаль? – Настя продолжала хмуриться, но в ее вопросе прозвучало кокетство.

– Жаль, что Игорь к тебе ходит. А то бы я к тебе на постой напросился.

– Игорь у меня мужик суровый, – с гордостью за своего жениха, но с жалостью к себе сказала она.

– А то бы ты меня на постой пустила?

Иногда я сам поражался своей наглости, что ж говорить об окружающих. Надо отдать должное Насте – она не возмутилась.

– Давай проваливай, – сквозь ироничный прищур глянула на меня Настя. – Завтра позвоню, скажу, когда и где.

Я мог бы поступить как истинный джентльмен, уйти не попрощавшись. Но воспитание не позволяло так грубо обойтись с женщиной.

Варвара Степановна проводила меня сердитым взглядом. Женщина она добрая, но ведь я, как ни крути, вступил в конфликт с ее дочерью, да и с ней самой повздорил, еще и обманул

ее. И ее собака с лаем набросилась на меня. Видимо, ей передалось настроение хозяйки, потому высветилась в ее собачьем сознании команда «Фас!».

Был у меня в детстве случай, шел я себе спокойно через двор, а тут вдруг маленькая собачка сзади тихонько подбежала и цапнула меня за лодыжку. С тех пор собак я не люблю. А враждебное к ним отношение закрепил случай из моей оперской практики. Брали мы наркопритон, перепрыгнул я через забор, и на меня с лаем бросилась кавказская овчарка, разумеется, без намордника. В горло собиралась мне вцепиться, хорошо, я успел подставить руку, а еще пистолет наготове держал. В глаз я псу тогда выстрелил, он сдох почти сразу, но руку мне прокусить успел. Шрам никогда уже не пройдет, разве что только вместе со мной в земле истлеет. Когда-нибудь. Хорошо, если в далеком будущем...

В общем, не жаловал я собак. Поэтому приготовился пнуть двортерьера ногой, как я это умел. Но вовремя заметил, что на меня из окна смотрит Настя. Совсем рядом она была, только руку протяни, если, конечно, через стекло она пройдет, как сквозь пустоту.

Настя провожала меня взглядом. Хоть и поругались мы, но интерес к моей персоне остался. Да и я на нее запал. Она просто хотела посмотреть на меня, но тут вдруг собака, и Насте, видимо, интересно знать, как я себя поведу – достойно или нет. Ударить пса ногой – вариант самозащиты, но вряд ли Настя оценит это должным образом. Поэтому я выбрал психологическую атаку.

Знал я одного товарища, который всерьез предполагал, что против собак хорошо действует так называемый прием Маугли. Надо встать перед псом в агрессивную позу и заорать на него: «Мы одной крови! Ты и я!» К счастью, к этому приему я никогда не прибегал. Зато как-то пришлось испытать на себе другой способ. Полное презрение к собаке и агрессивное побуждение во взгляде и телодвижениях. И сейчас я смотрел на пса как на какое-то ничтожество, но при этом приготовился ударить его ногой. То ли сработал этот прием, то ли двортерьер и не думал меня кусать, так или иначе, он присмирел, беззлобно ткнул носом в мою ногу. Только тогда я перевел взгляд на Настю, задорно улыбнулся ей и подмигнул. Она отпрянула от окна, как будто я голышом купался в бане, а она подглядывала за мной.

Собака лизнула мою штанину. Я прошел мимо, а она осталась на месте. Оглянувшись, я увидел, как она стоит на трех ногах и метит мой остывающий след. Ну вот, хоть как-то, но отомстила.

За калиткой на обочине дороги чуть под наклоном стоял серебристый внедорожник «Лексус» с обтекаемыми формами. Новая машина, дорогая, и нетрудно догадаться, кому она принадлежит.

Не знаю, продолжала наблюдать за мной Настя или нет, но я мысленно похвалил себя за предусмотрительность. Хорошо, что я отогнал свой кемпер подальше от дома. Не надо ей знать, что у меня своя гостиница на колесах, это раз. Да и не хотел я, чтобы она видела, как я сажусь за руль своей развалюхи.

Впрочем, за руль я сразу садиться не стал. Надо бы провернуть на всякий случай одну работку.

Ваня сидел на нижней ступеньке, поставив ноги на землю. В руке – банка пива, в глазах – застывшая озадаченность. Он смотрел на зеленеющее за камышом озеро, тупо думая о чем-то своем.

– Может, пропустишь меня? – спросил я.

– Да, конечно.

Он поднялся на автопилоте, сдал в сторону. Только тогда до него дошло, что я уже вернулся.

– Ты уже все?

– Не думаю... Ну как водичка? – спросил я и шлепнул севшего на шею комара.

Летающего зверья в этих краях с избытком, особенно у воды, а Ивану хоть бы хны, сидит себе на открытом воздухе, комарье в салон запускает. Ладно, от этой напасти спасет фумигатор, а как Ване быть? Его же с ног до головы наверняка искусили. Сейчас он под пивной анестезией, а ведь скоро чесаться начнет. Мазь обезболивающая пока еще есть, но ведь она не всегда помогает.

– Я не купался, – вздохнул он.

– Почему? Комаров испугался?

– Да нет, раков. Ты же сказал, что там раки большие.

– И что? – насмешливо сощурил я глаза.

– Большие раки – больно кусаются.

– Кто тебе такое сказал?

– Ты сказал.

– Не говорил я такого.

– Ну, не сказал, но дал понять. Раки, говоришь, большие. А если большие, значит, больно кусают. Я же не дурак, я все понял.

Я приложил кулак к губам, чтобы не прыснуть со смеху. Ума палата у парня. И я даже знал, какой номер у этой палаты.

– Кто ж говорит, что ты дурак, Иванушка? Плюнь любому в морду, кто скажет, что ты дурак. Я разрешаю.

– Я лучше дам в морду, – сказал он, подозрительно скосив на меня глаза.

– А что, думаешь, кто-то скажет?.. Тебя комары еще не сожрали? Давай в машину, мотор заводи, фумигатор включай.

В этот кемпер я вложил свои честно заработанные деньги, и еще Зина мне помогла. Она у меня в этом плане хорошая, на вопрос «Где деньги, Зин?» отзывается легко и, как правило, с пользой для меня. Кикбоксингом она больше не занимается, но у нее свой фитнес-центр, где, помимо всего прочего, имелся боксерский зал, где она тренировала будущих чемпионков. Дела у нее шли неплохо, да и я, в общем-то, вносил свою лепту в семейный бюджет. В общем, кемпер нас не разорил.

Я владел этим автобусом, на меня он записан, и, хотя Ваня был родным братом софинансирующей этот проект стороны, на мою «улитку» он прав не имел. Да и не было у меня желания брать его с собой в ЭТУ поездку, равно как и в другие. Но раз уж вышеупомянутая сторона навязала его мне, то пусть он живет здесь на птичьих правах. Иван мог пользоваться здесь всем, но в мою спальню, что занимала заднюю часть кузова, заходить не смел. И брать оттуда ничего нельзя. А там очень много чего интересного. Я же детектив, шпионские девайсы для меня что плуг для хлебопашца.

В спальне у меня два сейфа – один для ружья, другой для тех самых штучек, для прослушек и наблюдений. Я набрал код на одном замке, открыл железную дверцу, достал коробочку с радиомаячками на магнитных присосках, передал один Ване – кое-чему я его научил.

Я показал ему на «Лексус» и велел установить маячок.

– А что, есть зацепка? – с важным видом спросил он.

– Есть.

– А что конкретно?

– Потом расскажу. Давай действуй.

Чутье не обмануло меня. Неспроста я приехал сюда. Что бы ни говорила Настя, а она знала, куда подевался Альберт. Она баба такая, что сразу послала бы меня на хутор, но голова у нее хорошо варит, потому и рассказала мне про Альберта. Поняла, что мать проболталась, поэтому решила отделаться от меня полуправдой. А правда состояла в том, что Альберт не уехал в Некрасов с ней. Здесь он остался. А то, что Эдуард Андреевич отвез его в Киров, – ложь. Правда, умноженная на ложь, это и есть та самая полуправда. Только я не глупый осел,

чтобы мне можно было скормить такую лапшу. Зря Настя меня так назвала. Хотя в ее словах имелся смысл. Я действительно упертый, и так просто меня с места не сдвинешь.

Но не хотелось мне делиться своими соображениями с Ваней. Все равно ведь ничего не поймет.

Иван справился со своей задачей. Он не стал цеплять «клопа» под задний бампер, потому что он мог быть изготовлен из пластика, а к полимерам, как известно, магнит не притягивается. Он остановился перед машиной, нагнулся, будто для того, чтобы перешнуровать кроссовку, деловито огляделся и ловко просунул маячок под правое заднее крыло. Бесконтактная мойка – вещь опасная: мощная водяная струя запросто может выбить «клопа» из его гнезда, но Иван установил маячок в недоступное место. Установил и, никем не замеченный, двинулся дальше. Остановился, развернулся и пришел обратно. В салон кемпера он заходил страшно довольный своей работой.

А я тем временем приготовил лазерный звукозаписывающий прибор, направил его на стекло «Лексуса». Этот прибор, не в пример своим предшественникам, снимал звук с любых стекол, даже с лобовых окон автомобиля, к тому же для его работы не требовалось наносить на стекла специальную метку. Вот если окно защитить специальным экраном, тогда невидимый лазерный луч не сможет уловить вибрацию, но вряд ли на машине у Насти стоит такая защита.

Я предполагал, что Настя позвонит своему брату сразу же, как только сядет за руль. Но нет, она с ходу завела двигатель и сразу же стронула машину с места. И так быстро помчалась вдаль по тряской дороге, что преследовать ее смысла не было. Но ее перемещения можно было видеть на экране монитора, наблюдая за яркой точкой, движущейся по карте города.

– Может, расскажешь, что было? – спросил Иван.

– Не сейчас, – кивнул я, усаживаясь за руль.

Надо было ехать к дому, где жила Настя. Надо было брать его под наблюдение.

А своими соображениями с Иваном я поделюсь. Не сейчас, чуть позже, когда будет время, но расскажу ему все. Только разговаривать буду не столько с ним, сколько с самим собой. В размышлениях вслух порой рождаются гениальные идеи...

Глава четвертая

Кто бы мог подумать, что на окраине старинного города мог располагаться элитный поселок. Правда, охраны здесь не было, общей ограды тоже, да и домов роскошных совсем немного, но все-таки у меня возникло ощущение, будто я оказался в ближнем Подмосковье.

Дома, как водится в элитных районах, стояли прямо в сосновом бору, на живописном берегу озера. Деревья большей частью вырублены, чтобы не загромождали пространство, немного их здесь, но все-таки ощущение природы они создавали.

Парадными фасадами дома выходили на разбитый колесами проселок, а тыльными – на озеро. Справа от дороги тянулись коттеджи, а слева – дремучий лес. Темнохвойные сосны ничуть не разрежены, дикорастущий кустарник на каждом шагу, поваленные стволы деревьев, хворост, мусор. Не ухаживают здесь за лесом, никому до него нет дела. И дорога вся в рытвинах, но это понятно – всего четыре дома здесь обитаемы, еще столько же в стадии строительства.

Настя жила в красивом, похожем на эркерное пирожное двухэтажном доме под черепичной крышей. Кремового цвета минеральная шуба, высокие арочные окна, на втором этаже длинный балкон с балюстрадой. Забор высокий, кирпичный, с фундаментом, выложенным из крупного речного камня, ворота кованые, забранные железным листом. Не видно, что происходит в доме, и звук можно снимать только с верхних окон. Да и как его снимешь, если мой кемпер мог вызвать подозрения? Ну, часик-другой он постоять мог, а потом Настя заподозрит неладное, позвонит в милицию. Городок маленький, здесь все друг друга знают, может, у нее из родственников кто-то там служит или из хороших знакомых. Если так, то работать милиция будет с пристрастием, могут и в отделение забрать. Придерутся к ружью, присосутся к мозгам, потом думай, как от них отделаться.

Я человек не гордый, да и погода теплая – мне ничего не стоило забраться на чердак соседнего строящегося дома, чтобы навести лазер на ее окна. Но дело в том, что этот строящийся дом не соответствовал моим запросам. Там еще первый этаж не был выведен. Да и строители там работали; вагончик у них, значит, живут они на объекте. Да и далековато находился этот дом, метрах в ста, не меньше. Земля здесь недорогая, поэтому нарезали ее под строительство гектарами.

А соседний дом справа был обитаем: крупнотелая женщина развешивала белье на балконе. Кстати, проект дома не отличался оригинальностью – и по размерам, и по строению был копией того, в котором жила Настя. Только в минеральную шубу его не одели, решили обойтись без этого. Кирпич дорогой, красивый, цвета слоновьей кости... Интересно, кто живет здесь? Может, Эдуард?... Но пока что мой вопрос оставался без ответа.

Для острастки я навел невидимый луч на одно верхнее окно. Тишина. На другое. Отдаленный детский голос, нечленораздельная речь. Ну да, у Насти сын, но вряд ли она будет при нем разговаривать с братом насчет Альберта... И все-таки около часа я пытался поймать нужную мне «волну», чтобы добыть ценную информацию, но ничего не узнал. Не поднималась Настя на второй этаж, и сын спустился к ней. А первый этаж, как был, так и оставался для меня недоступным.

– Ну что, разобьем бивуак? – спросил я у Вани.

– А где это?

– Я покажу.

Не хотелось мне объяснять ему, что такое бивуак и зачем его нужно разбивать. Тем более что этого и не нужно было делать. Ведь бивуак наш всегда с нами, надо всего лишь переместить его в более безопасное место. Вода в баке у нас есть, и я с удовольствием приму душ. Сначала в лесок схожу с лопатой, а потом будет освежающий душ. Ваня хоть и слабоват интеллектом,

но зато вкусно готовит, и наша кухня – его стихия. Лишь бы только новый примус не пришлось покупать...

А может, и не надо в душ. Запас воды ведь не бесконечный, его пополнять надо, а это лишние телодвижения. Озеро есть, неплохо было бы в нем искупаться. Тут, главное, в воду поскорей зайти, чтобы комары не искушали, и нырять с головой почаще. А больших раков, которые очень больно кусают, бояться не надо. Это ведь мои собственные фантазии. Хотя неплохо бы сварить к пиву с десяток этих клешнеобразных...

– Вань, как насчет в озере искупаться? – спросил я.

– А ты будешь?

– Буду.

– Тогда и я буду.

– Поехали место искать.

Я развернул автобус, поехал в обратном направлении.

– Может, искупаемся, поужинаем и по бабам? – спросил я.

Война войной, а рабочий день по распорядку. Шестой час уже, а в таких городках, как этот, работают обычно до пяти вечера. Тем более ничего нового про Альберта мы сегодня не узнаем, возможности для этого нет. Неплохо было бы сегодня отдохнуть, чтобы завтра со свежими силами взяться за работу. Если, конечно, отдых не будет включать в себя такое понятие, как распитие спиртных напитков. Но если я сниму женщину, без этого, вероятней всего, не обойтись... Ничего, можно взяться за работу с тяжелой головой. Мне же не сваи в землю забивать завтра, и тем более не головой.

– Какие бабы? Нельзя баб. Мы же договорились, – буркнул Ваня.

– Кто договорился?

– Зинка со мной договорилась, ты же знаешь. Я ей слово дал.

– А ты парень у нас честный и стучать будешь по-честному, – хмыкнул я.

Ивану не понравился мой тон.

– Если по голове, то могу и настучать, – огрызнулся он.

– А давай! Кто кому настучит? Если ты мне, то никаких больше баб. Если я тебе, то сколько хочу, столько и будет.

Ваня крепко задумался. Удар у него, конечно, будь здоров, если заедет в челюсть, то уже не поднимешься. Но ведь я верткий, на убойный удар поймать меня непросто. И у самого кулаки очень крепкие...

– Ну, так что? – поторопил я Ваню.

– Нет, ты свой, я тебя бить не могу. Что я потом Зинке скажу?

– Когда потом?

– А когда тебя зашибу!

– Не говори «гоп»!

– И ты не говори «гоп», – буркнул Иван.

– А передразнивать нехорошо.

– Я не передразниваю. Ты вот по бабам собрался, а баба у тебя есть? Нету. Бабы нет, а ты уже «гоп» говоришь...

– А как тебе Настя?

– Настя?.. Ну, клеевая. – Ваня озадаченно скребнул себя всей пятерней по затылку. – Но так она не твоя... Смотри, что там такое?

Перед самым поворотом на город стоял белый бегемотистый «Инфинити». Стоял очень неудачно, носом зарывшись в кювет. И какая-то девушка стояла возле машины. Далеко еще до нее, лица не разглядеть, но уже понятно было, что вид у нее озадаченный. И фигурка у нее хорошая. Худенькая девушка, стройная, черные волосы до нижнего позвонка...

Густые волосы. И лицо симпатичное. Глаза красивые... Вот тебе и женщина, думал я, приближаясь к ней.

– Ты это, давай Настю себе забирай! – разволновался вдруг Ваня. – А эта моя, ладно?

– Не понял!

– Моя, говорю!

– Вань, это не проститутка. Поверь, эта блондинка не снимается. Машина у нее в кювет съехала.

– Какая она блондинка! Брюнетка она! – с уличающей ухмылкой глянул на меня Иван.

– Ну, может, и брюнетка, только в кювет как блондинка въехала. Может, нарочно? – останавливая автобус, спросил я.

– Почему нарочно?

– Ну, чтобы повод был с тобой познакомиться. Она девушка порядочная, без повода никак...

Вблизи девушка казалась такой же впечатляющей, как и издали. Правильный овал лица, изящные черты лица, красивые глаза, нежные линии носа, пухлые губки. Волосы густые, ухоженные. Стильный сарафан на ней с открытыми плечами, в декольте соблазнительно прорисовывается ложбинка полновесной, но подозрительно упругой груди. Уж не силиконом ли бюст заправлен? Да и губки, похоже, такие же дутые. Но женский тюнинг давно уже никого не удивляет, более того, считается признаком гламура...

Красивая девушка. Вернее, женщина. Потому что не юная она уже, наверняка четверть века перешагнула. Нет, до старости еще далеко, и смотрится она свежо и молодо. Но все-таки есть в ее чертах что-то противоестественное. Не то чтобы отталкивающее, но уж точно не притягательное. Хотя, конечно, я бы не отказался прокатить ее по кочкам на своем жеребце...

– Думаешь, она из-за нас в кювет съехала? – Напрасно Ваня пытался сдержать торжествующую улыбку, она растянула его губы до самых ушей.

– А ты спроси!

– Э-э, ну я не знаю... А может, ты спросишь?

– А может, тебя еще с ней и познакомить?

– Ну, если сможешь...

Некогда мне было разговаривать с Ваней: женщина с надеждой смотрела на меня. И, приложив руку к груди, даже порывалась подойти ко мне, но что-то ее смущало. Ну да, она же одна посреди дороги, а что у меня на уме, неизвестно. Лес рядом, кусты на ветру шумят, как бы... Но я-то знал себя. При всем своем кобелизме таких гнусностей я не мог позволить себе даже в фантазиях. Бабник я, да, но не извращенец.

Я открыл водительскую дверь, прыгнул на землю. И тут же у меня за спиной появился Ваня. Я не видел его, но чутьем ощущал его присутствие. И его жаркое дыхание улавливал. Неужели он уже возбудился на эту красотку... Глянув на него, женщина должна была испугаться, но в ее глазах вдруг затеплился огонек, пока еще слабый, но верный признак женского к нему интереса. А ведь Ваня далеко не красавец. У меня шансов на успех было гораздо больше, но я не произвел на нее особого впечатления. На меня она смотрела как на избавителя от бытовых проблем. Я ей нужен, чтобы вытащить машину из канавы.

– Авария?

– Авария, – развела руками брюнетка.

Голос у нее густоватый – улавливались в нем легкие басы, – но звучный, летящий. Слух не ласкает, но и отторжения не вызывает... Интересно, а почему я решил, что эта женщина должна вызывать у меня отторжение?..

– Руль слишком легкий, да? Или задумались?

– Да нет, руль слишком легкий, – пробасил у меня за спиной Ваня. – Чуть в сторону перебрал, и все, уже в канаве...

– Да, да, руль такой, – благодарно улыбнулась ему женщина.

Ему она улыбнулась, а не мне. А ведь это я придумал для нее оправдание. Именно оправдание, потому что руль даже при всей своей легкости вращения причиной аварии быть не мог.

– Меня Алина зовут, – неожиданно представилась она.

Для Ивана, как мне показалось, представилась... Странная она какая-то...

– Костя, – в ответ сказал я.

Но на меня Алина даже не глянула. Зато снова улыбнулась, когда назвался Ваня.

– Ну, вот и познакомились, – усмехнулся я. – А дальше что?

– Если бы вы мне могли помочь... – глядя на Ваню, вздохнула женщина.

– Да, конечно!

Ваня забурлил как болотная трясина, распираемая метановыми пузырями.

– Давайте за руль!

Женщина с улыбкой откликнулась на его предложение, села в машину, а Ваня, с ногами забравшись в кювет, приготовился ее толкать. Я с недоумением посмотрел на него, перевел взгляд на Алину. Ну, с Ваней все ясно, такие, как он, лечению не поддаются. Но неужели она такая же дура? Ясно же, что, будь Ваня хоть Ильей Муромцем, не вытолкать ему машину из канавы... А может, Алина видит в нем былинного богатыря? Может, потому им и восхищается?

Внешне Ваня чем-то похож на богатыря. И сила в нем есть, только ее для героической победы не хватило. Он едва штаны не порвал от чрезмерного усердия, но машина даже не сдвинулась с места.

– Да, нелегкая это работа, из болота тянуть бегемота, – насмешливо сказал я.

– Может, поможешь? – недовольно глянул на меня Ваня и движением головы призвал встать рядом с ним.

Я не знаю, может, Зина сказала ему, что у меня с головой не все в порядке. Но неужели не видно, что это не совсем так? Есть кое-какие завихрения в извилинах, но... Хотя, конечно, допускал порой идиотские промахи. Но так ведь это случалось не потому, что я – простота... Есть же такое понятие, как неточный расчет, или еще что-то в этом роде.

И если я сейчас опять неправильно что-то рассчитаю, так не меня в этом надо будет винить, а слабомощный двигатель моего кемпера.

Я достал из багажника мягкий трос, приторочил его к скобе под задним бампером белого «бегемотика», зацепил за свой фаркоп. Ну, теперь тянем-потянем безо всяких там дедок и бабок. Глупый мальчик остается в стороне, а я жму на газ.

Только не потянула моя «Ивека» «Инфинити». Сцепление чуть не сжег, а внедорожник так и остался в кювете. Но, возможно, дело здесь не только в недостаточной мощности моего двигателя. Возможно, брюнетка снова подтвердила свою глупость. Я вышел из автобуса, подошел к ней, через открытое окошко глянул на рычаг переключения режимов движения. Как чувствовал, что на «стопе» у нее машина стоит.

Стараясь скрыть раздражение, я велел ей переключиться на «нейтраль» и повернул к своему кемперу. И тут я увидел подъезжающий со стороны поселка знакомый «Лексус». Проезд перекрыт, и она не могла не остановиться. Что ж, надо поскорее садиться за руль, вытащить застрявшую машину. Иван сам снимет с машин трос, а я освобожу проезд.

Все произошло так, как я и предполагал. «Бегемотик» из «болота» вылез без особого надрыва моих сил и сцепления. Иван расцепил машины, я отъехал в сторону, но Настя и не думала уезжать. Она подошла к Алине и не просто поздоровалась с ней, а даже поцеловалась. Через открытое окно до меня долетали обрывки их разговора.

– ...Добрые люди помогли... – услышал я голос Алины.

– ...Я бы не справилась... – отозвалась Настя.

Уж не к ней ли ехала Алина, не ей ли она позвонила и обратилась за помощью?..

– ...Бампер помяла... Фару разбила...

– ...Ничего, Эдик починит... Ну что, поехали?..

Эдик?! Уж не жена ли это Эдуарда Андреевича?.. Если так, то за ней и приехала Настя. Сейчас они обе уедут, а мне ломай потом голову, прав я оказался в своих суждениях или нет. И еще мне интересно, почему я встретил Алину? Ведь не случайно это.

Давно замечено, что человек, преступивший закон по злобе своей или житейской глупости, начинает метаться из стороны в сторону, совершает ошибки, усугубляя свое положение. Иной раз достаточно бывает обложить подозреваемого со всех сторон, и он сам попадет в расставленные сети. А может, просто совершит глупость, которая выдаст его с головой.

Может, потому и попалась мне Алина на пути, что Настя всколыхнула семейное свое болото? Но какое отношение Алина имеет к Альберту? Может, она знает, где его найти? Может, потому и вызвонила ее Настя к себе? Но почему она сама не поехала к ней?.. Да и зачем Алине ехать к ней?.. Нет, мозаика в голове не складывалась. Стеклашки со стуком бились друг о друга, но так ничего толком не срасталось.

А тут вдруг еще Настя развила бурную деятельность.

– ...А что там за водитель в автобусе? – донеслось до меня. – Что-то знакомое...

Не хотел я светиться перед ней, но события, увы, развивались не в мою пользу. Настя направилась ко мне, я вовремя уловил это, и через проход между передними креслами втянулся в салон. Но уловка моя не удалась, потому что Настя открыла другую, правую дверь, которую я только-только собирался заблокировать. Осознавая неадекватность своего поступка, я не торопился закрыться в салоне, может, потому Настя и успела меня опередить. Фактически мы столкнулись нос к носу.

– И что мы здесь делаем? – со стержневой радостью протянула она.

– Что вы здесь делаете, я не знаю. А мы тут с Ваней заблудились.

– Заблудились! – с издевкой хлопнула она в ладоши. – Ах, вы бедненькие!.. А может, вы меня выслеживали, а?

– Ну, не то чтобы выслеживали...

– Так, погоди!

Настя махнула рукой Алине, показывая, чтобы она уезжала отсюда. Но, похоже, та не торопилась расставаться с Ваней, с которым о чем-то мило беседовала. Но Настя показала ей кулак, и та все-таки села в свой «Инфинити». Интересные у них взаимоотношения.

– А с Алиной как встретился? – вернулась к нашему разговору Настя.

Я потянулся к ней, взял за руку и потянул на себя:

– Заходи, а то комары сожрут.

Комары ее не пугали, но в салон она втянулась. Я увлек ее на диван, она села, руками провела по коленкам, как будто оправляла задравшуюся юбку, хотя была в джинсах.

Я сел на корточки и в упор посмотрел на нее:

– Ну, встретил я Алину. И что здесь такого?

– Ничего. – Настя смущенно отвела в сторону взгляд.

– Вот я и понял, что ничего такого. Хотя она – жена твоего брата. Так?

– Ты откуда знаешь? – еще больше растерялась она.

– Да вот знаю...

– Да, она моя невестка. Что ты еще знаешь?

– А что я еще должен знать? – Я смотрел на нее внимательно, не отрывая взгляд.

– Не надо душу из меня тянуть! – запротестовала Настя. – И не смотри на меня так!

– Что Алина знает про Альберта?

– Про Альберта?.. А она должна про него знать?

– А вдруг?

– Она вышла замуж за Эдика после того, как Альберт уехал.

– Куда он уехал?

– Ты что, тупой? Сколько раз тебе говорить, что Альберт уехал в Киров. Эдик его туда отвез.

– Ну да, слышал... Алина к тебе ехала?

– Да, ко мне.

– Откуда?

– Из дома.

– А дом у нее где?

– Эдик в городе дом поставил... Сказал, что не хочет здесь. Мы с ним рядом дома построили, он потом себе новый поставил. Недавно переехал... Слушай, а чего я тут перед тобой отчитываюсь?... Это ты тут отчитываться передо мной должен! Следишь за мной, выслеживаешь!.. И что это за автобус такой! Целый дом на колесах! – Она с интересом посмотрела в сторону спальни, на кровать за открытым дверным проемом.

– Ну, так я же сыщик, на выездах работаю, как мне без улики?

– Видела я твой автобус, он напротив моего дома стоял. Думала, просто стоял, а это, значит, твой автобус. И возле маминого дома твой автобус стоял. Значит, ты оттуда за мной поехал?

– Да вот, на Игоря твоего посмотреть хотел.

– Да что вы такое говорите!

– Может, я на ночлег хотел к тебе попроситься?

– Так почему не поприснился? Я так понимаю, ты от моего дома ехал.

– Ехал.

– И Алину на пути встретил? – с непонятным для меня напряжением во взгляде спросила Настя.

– Встретил.

– Она с дороги съехала, ты ей помог.

И в глаза она мне смотрела внимательно, пытливо, как будто хотела что-то в них прочесть.

– Помог.

– И что?

– Это ты у меня спрашиваешь? Мне кажется, это я должен спросить у тебя, что здесь такого?

– Спрашивай, – расслабилась вдруг Настя.

– Спрашиваю. Что здесь такого?

– Ничего.

Чем больше я разговаривал с Настей, тем больше убеждался в том, что Алина каким-то боком причастна к исчезновению Альберта. А если не причастна, то как минимум что-то про него знает. Если так, то нужно установить за ней наблюдение... Но так ведь и Настя что-то знает. И ее мать. И, конечно же, его брат. На всех у меня сил не хватит. Может, сосредоточиться на Насте? Она незамужняя; не сказать, что у нее голодный взгляд, но уж точно не сытый. Не устраивает ее Игорь, к чему-то большему она стремится. И мне кажется, что я не последний человек в ее устремлениях... Может, сыграть на этом? И мне хорошо, и для дела полезно. Вдруг я так ее очарую, что она сама мне во всем признается – в порыве страсти, например, в объятиях моих...

Скорее всего, я был не прав в своих суждениях, но как я мог думать о чем-то другом, когда Настя рядом. Я сижу на корточках и могу накрыть ее колени ладонями. Она, конечно, возмутится, но не факт, что ударит меня по рукам. Я, может, и не самый большой специалист по женщинам, но чувствовать их умею. И при всей своей неприязни ко мне Настя не оттолкнет меня, если я вдруг сделаю первый шаг. Сама напрашиваться не станет, но мою инициативу может принять. Наверное. Скорее всего...

– Вот и я говорю, что ничего.

Я сделал движение, будто собирался встать, вытянул вперед ладони, как бы для того, чтобы сбалансировать распределение веса на точку опоры. Привстал, положил руки ей на колени, но затем, будто передумав, снова сел. А ладони так и остались у нее на ногах. И она сделала вид, что ничего не произошло. Но ведь заметила она все, неспроста ее взгляд подернулся масляной дымкой.

Но развивать наступление еще рано. Надо дать женщине возможность прийти в себя, привыкнуть к мысли, что я могу быть не только врагом, но и милым другом. И руки нужно убрать, чтобы она сама этого не потребовала.

Я поднялся, потянулся к холодильнику, открыл дверцу, достал две банки пива.

– Будешь?

– Вообще-то мне домой надо, – вроде бы и с ехидством сказала она, но в ее голосе я уловил и сожаление.

– Ну да, невестка приехала.

– Приехала.

– Надолго?

– На ночь останется. Я же говорю, Эдик в отъезде, ей дома одной плохо.

– А завтра твой Эдик будет? Мы встретимся с ним?

– Нет, завтра его не будет. Он послезавтра приедет.

– И что же мне делать до послезавтра?

– Ну, это твои проблемы.

– Может, ты поможешь разрешить мне мои сомнения?

– Какие сомнения? Насчет Альберта?.. Какие могут быть сомнения? В Киров его Эдик отвез, это я тебе точно говорю.

– А в каких отношениях ты была с Альбертом?

– В каких надо... Тебе такое не светит, – кокетливо поддела меня Настя.

– Так я и не претендую. Альберт холостым был, а у меня семья – жена, дочь.

Нацеливаясь на женщину, я ставил ее перед этим фактом. Этим я как бы оправдывался перед самим собой за свою кобелиную сущность. Да, тянет меня к женщинам, не могу без них, но все-таки я не какой-то там проходимец – подлый и коварный. Да и женщина должна была понять, что будущего у нее со мной нет. Пусть знает о моем хомуте на шее, а там сама решает, как ей быть... Как это ни странно, но такое признание отпугивало от меня далеко не всех женщин.

– Ты мне, конечно, нравишься, но жениться я на тебе не могу, – без всякого сожаления, а просто констатируя факт, развел я руками.

– А тебя кто-то заставляет на мне жениться?

Настя хотела казаться беспристрастной, но я заметил разочарование в ее глазах. Хотя при этом огонек ее ко мне интереса в них не угас.

– Нет. Как раз наоборот. Я заставляю себя видеть в тебе... ну, скажем так, недружественную мне женщину. Мы с тобой не враги, но и не друзья. Я пытаюсь найти человека, а ты пытаешься его от меня скрыть. У нас борьба интересов... Но ты мне нравишься как женщина. Меня тянет к тебе...

Настя смотрела на меня завороченно и с чувственным интересом даже после того, как я закончил говорить. Она поддалась моему обаянию. Но вдруг что-то замкнуло у нее в голове, брови недовольно сошлись на переносице, в глазах вспыхнул гневный огонек.

– Да пошел ты знаешь куда!

Она резко поднялась, сама открыла дверь кемпера.

– Завтра позвоню! – на ходу, не оборачиваясь, бросила она. – И чтобы я тебя возле своего дома не видела! Или будешь иметь дело с Игорем!

Она села в свою машину, выехала на перекресток, развернулась и на скорости промчала мимо автобуса, брызнув на него пылью из-под колес. В это время Иван заходил в кемпер. Дорога узкая, и если бы он не успел закрыть за собой дверь, Настя снесла бы ее машиной.

– Дура! – крикнул ей вслед Иван.

– Зачем оскорбляешь мою женщину? – скорее в шутку, чем всерьез спросил я.

– Твою женщину?! Что-то не заметно, что она твоя женщина, – ухмыльнулся парень.

– Это конспирация, – уныло сказал я. – Чтобы ты ни о чем не догадался. И чтобы сестренке своей не позвонил... Что там у тебя с Алиной?

– А что у меня с Алиной? – расплылся в самодовольной улыбке Иван. – Не знаю! Но что-то есть! Мне кажется, я ей понравился!

– Стрелочку забил?

– Стрелочку?.. Так она же замужем.

– Муж только послезавтра будет. Сегодня она у Насти ночует. И если бы Настя пригласила нас на огонек...

– А она нас пригласила?

Я молча и с сожалением развел руками. Не позвала меня к себе Настя и от встречи отказалась. Но это можно было списать на истеричную борьбу противоречий в ней. Она сказала «нет», подразумевая «да». Стоит мне усилить натиск, и она не выдержит и выбросит белый флаг. Из белых трусиков. Я почти уверен был в том. Верней, не почти, а уверен...

Но надо ли мне продолжать наступление? Ведь в наших отношениях далеко не все так просто, как мне бы хотелось. Мы по разную сторону баррикад, и оба это прекрасно понимаем. К тому же за ее баррикадой прячется Игорь, которым она меня решила напугать. Угроз я не боюсь, но, как человек практичный, стараюсь относиться к ним серьезно. Особенно когда работаю на чужой территории. Настя и ее брат явно не простые люди. Завод у них; какой не знаю, но, скорее всего, градообразующий. Если так, то городская власть в какой-то степени зависит от них. А возможно, принадлежит с потрохами.

Тихо за окнами автобуса. Пыль спокойно на дорогу оседает, стая комаров над камышами кружит, вода о берег легонько плещет. Красота, идиллия. Но это внешний покой. А эфир сейчас вокруг нас бурлит. Настя звонит своему брату, жалуется ему на мою наглость. И еще ей почему-то не понравилась наша встреча с Алиной. Что-то ее в этом напрягло, и своим беспокойством она тоже поделится с Эдуардом Андреевичем. Тот скажет ей, что делать, возможно, сам подключится к процессу. А еще в бой против нас могут бросить Игоря. Не очень этот мужик нравится Насте, но и не отказывается она от него, возможно, потому, что он свой человек в их семье. А семья – это круговая порука. И сила, с которой мне придется считаться. И кто знает, возможно, эта сила уже сгущается над моей головой, готовая обрушиться на меня громом и молнией. Если так, то мне нужно потеряться до поры до времени. Интуиция подсказывала мне, что гостиница далеко не лучшее для этого место. Не зря же Настя спрашивала про нее. И хорошо, что у меня есть кемпер: с ним у меня есть возможность разбить бивуак в ближних окрестностях города, а еще лучше в дальних, если там принимается сотовый сигнал.

Глава пятая

Весь день я вчера ломал голову, зачем Алина поехала к Насте. Сама по своей воле к ней отправилась, или та позвала ее к себе. Если позвала, то зачем? Может, она не хотела, чтобы я увидел Алину? Ведь я же собирался встретиться с Эдуардом Андреевичем, предположительно в его доме, там и могла мне на глаза попасться Алина.

Но сегодня вдруг выяснилось, что Ремезов и не собирался встречаться со мной у себя дома. Он выбрал для этого летнее кафе. А приехал он туда с охраной, его сопровождал крутолобый парень с деформированным от частых ударов носом. Вернее, охранник шел впереди своего босса, тыл которого подпирали большой черный «Хаммер». Отличная, надо сказать, машина для сельской местности – и представительская, и проходимая.

Телохранитель с ходу подошел к парню и девушке, что за соседним от меня слева столиком перемывали косточки какой-то Ольге Даниловне, попросил их исчезнуть. Парень глянул на него недовольно, но тут же сник. Видно, понял, с кем имеет дело. Взяв свою девушку за руку, он поспешил уйти с ней. А крутолобый направился к Ивану, который также сидел за соседним от меня столиком, но справа от меня. Он и его хотел прогнать, но я уже не следил за развитием событий. Я смотрел на Ремезова, который неторопливо подходил ко мне. Да незачем за Иваном смотреть, он сам знает, что делать. И не уйдет он никуда, потому как ему предписано оберегать меня от преступных посягательств на мою скромную персону.

Эдуарда Андреевича я встречал стоя. Это я знал его в лицо, а он меня видел впервые, поэтому пришлось обозначить свое присутствие.

Ремезов мог произвести впечатление человека крутого, сурового – и брови он убедительно хмурил, и губы поджимал. Но при всем этом ему не хватало природной брутальности, мягкие размытые черты лица наводили на мысль о дефиците тестостерона в его организме. Тридцать восемь лет ему, на полном, желтоватого цвета лице ни единой морщинки, а вот подглазья припухли – что-то не то у него с почками. Волосы у него жидкие, глубокая и широкая залысина на голове. В теле мужик – увесистый живот, толстые ноги. Жарко на улице, а он в светлом пиджаке, возможно, для того, чтобы скрыть расплывшиеся бока.

Он, конечно, человек солидный, влиятельный, охрана у него своя, дорогие швейцарские часы выглядывают из-под рукава. Эти внешние атрибуты и позволяют ему выглядеть уверенно. Хотя и не очень убедительно. Я, конечно, не ясновидящий, но в людях разбираюсь, и почти уверен в том, что важность Ремезова – дутая. Лишись он вдруг денег и внешней поддержки, вся его крутость уйдет как вода в песок. В школе у него ничего такого не было, и я почти уверен был в том, что его там обижали. Хотя, конечно, я мог ошибаться. Тем более что я имел дело с Ремезовым из настоящего, которое принадлежало ему, во всяком случае, здесь, в Некрасове.

Он окинул меня равнодушным, но лишенным неприязни взглядом. Усталости в его глазах гораздо больше, чем раздражения. Напускной усталости.

– Ты детектив? – спросил он.

– Да, частный детектив. Константин...

Я хотел назвать фамилию, но Ремезов небрежно махнул рукой. Дескать, ему все равно, как меня зовут.

– Константин Плотников. – И все же я представился.

Не люблю, когда меня осаживают. Я же не лошадь, в конце концов.

Ремезов отодвинул пластиковое кресло из-за столика. Кресло это стояло на открытом воздухе, метрах в тридцати – дорога, с которой клубится пыль, но все это его ничуть не смущало. Эдуард Андреевич сел, не опасаясь испачкать свои светлые брюки.

– Почему шашлык не заказываешь? – спросил он, глянув на банку пива, единственное, что мне подал официант.

– Да как-то не подумал.

Не нравилось мне кафе «Красава». И дело не в жаргонном, как мне казалось, названии. Шесть пластиковых столиков под шиферным навесом, кухня находилась в обшитой железом бытовке, туалет на улице, антисанитария полнейшая. Не скажу, что я человек брезгливый, но и принцип «больше грязи – шире морда» – точно не для меня. К тому же в городе подозрительно мало бездомных собак, и вряд ли это заслуга местных коммунальных служб.

– А зря. Здесь шашлык хороший.

Ремезов подозвал к себе не совсем русского хозяина заведения, и тот на полусогнутых подошел к нему. В глазах у мужика радость несусветная – как же, сам Ремезов почтил его заведение своим вниманием. И заказ – две порции шашлыка – он поспешил исполнить лично.

– Ты, наверное, думаешь, что это кафе не твой уровень? – с осуждением в голосе спросил Эдуард Андреевич. – Ты человек столичный, у тебя запросы, а здесь какая-то мухосрань, да?

– А с чего вы взяли, что я из столицы?

Я не хотел втягиваться в этот бестолковый разговор, а тут и повод сменить тему появился. К тому же интересно стало, откуда у Ремезова информация насчет меня.

– А разве ты не показывал свое удостоверение моей сестре? – с насмешливым удивлением повел бровью Эдуард Андреевич.

– Показывал.

Действительно, в удостоверении был указан юридический адрес моей конторы, но я как-то не думал, что Настя успела зацепить его взглядом. Если успела, значит, пятерку ей за внимательность надо ставить.

– А еще я мог номер твоего автобуса пробить...

– Настя и его запомнила? – не очень весело усмехнулся я.

– А как же! Настя – девочка умная. Моя помощница во всех делах.

– Она и сейчас вам помогает?.. Я так понимаю, у вас свой завод?

– Да, свой завод. Стратегически важное предприятие! – Ремезов с гордостью ткнул пальцем в небо.

– Да ну!

– Лес-кругляк мы в западные страны гоним. Лес-кругляк – необработанный лес. Как будто мы не индустриальная страна, а сырьевая колония. Хорошо, в правительстве у нас умные люди, понимают, что нельзя так делать. Они понимают, а кто делает? Такие, как я, энтузиасты и делают.

– Ну, прямо уж и энтузиасты, – не смог удержать я усмешки.

Слышал я про такую программу правительства – увеличить перерабатывающие мощности с последующим запретом на экспорт леса-кругляка. Но для того чтобы попасть в эту программу, одного энтузиазма мало, здесь как минимум стартовый капитал нужен, такой, чтобы завод можно было построить. Кредиты на льготных условиях, беспошлинные поставки импортного оборудования – все это под пустое место не получишь. А деньги у Ремезова были, и я даже знал природу их происхождения.

– А разве нет?.. Думаешь, так просто завод посреди леса поставить? Завод поставить, производство наладить, подняться на безубыточный уровень и только затем выйти в прибыль. Все это непросто. Все это очень непросто.

– Тем более всего за четыре года.

– За три, за три года.

– Надеюсь, вы уже вышли в прибыль? Лес у вас здесь хороший.

– Лес у нас да, хороший. Грех жаловаться. И товар мы выпускаем отменный. Думаешь, Западу нужны наши доски? Нет, у них свои обрабатывающие мощности, им надо, чтобы мы тупо сырье гнали. Да только мощности у нас уже посовременней, чем на Западе. Да, мы их западное оборудование закупает, но так не всякое западное производство может себе такое

позволить, они там на старом в основном работают. А мы на новом, потому и качество у нас выше. Потому наш товар на Запад с шумом уходит. И производительность труда у нас уже на уровне, не хуже, чем в Европе. Не скажу, что везде, но у нас точно с этим все в порядке.

– Ну, я рад за вас. Только меня ваш завод мало интересует.

– Я знаю, что тебя интересует. Думаешь, Альберт у меня где-то в рабстве пропадает? – засмеялся Ремезов.

– А вдруг?

– Хорошо, сейчас мы поедem к нам на завод, ты увидишь, как у нас организовано производство, и поймешь, что рабский труд у нас не практикуется. Рабский труд не производителен, если ты не знаешь.

– Да, знаю. Еще в школе проходили. А далеко завод?

– Сорок пять километров отсюда.

– Далековато.

– Смеешься? Это как раз-то очень близко. Наш город на озере стоит, а нам река нужна. Река, чтобы бревна по ней сплавлять...

– Сейчас техника есть, лесовозы.

– Есть. Но техника – это горючее, амортизация, оплата труда, считай, плюс к себестоимости. И готовый товар баржами до товарной станции сплавляем, там уже в вагоны перегружаем. Логистика – наука серьезная, она здорово экономит... Да и для производства вода нужна... А ты говоришь, далеко... Дорога у нас хорошая, автобус твой не развалится... Настя говорила, там у тебя дом на колесах?

– Очень удобно для моей работы.

– Так никто и не спорит... Я вот сам думаю такой же кемпер купить, только побольше и покомфортней. И с женой в круиз по Европе. Там у них по этой части сервис лучше, стоянки специальные есть.

– Есть, – кивнул я.

У нас тоже хватает придорожных автокемпингов, но редко где встретишь коммуникации, к которым можно подключить машину, чтобы получать электричество, воду и сливать отходы. Да и в Европе, честно говоря, не везде обустроено так хорошо, как хотелось бы. Плавали – знаем. Европа – понятие растяжимое, там ведь не только богатая Франция, но и бедная Румыния...

А почему на Западе лучше, чем у нас? Объяснение простое – русский человек привык сравнивать самое лучшее западное с самым худшим своим. «Вот у них там торговый центр, шесть этажей, стопятьсот квадратов площади, а у нас тут сельпо сарайного типа!» Как будто у нас в России гипермаркетов нет. Или топливо в Америке дешевле, чем у нас. Так оно и есть – «восьмидесятый» бензин у них дешевле, чему у нас «девяносто восьмой», только вот детали не уточняются, а в них, как известно, кроется дьявол. И еще у них на Западе километр самой простой дороги стоит дешевле, чем у нас такой же отрезок самой сложной. А еще журналисты раздражают меня наглым враньем или, в лучшем случае, невнимательностью. Фотография в журнале – витрина испанского магазина, свиная тушка, цена в пять евро. И вывод – вот в Испании целая свинья дешевле, чем у нас килограмм мяса. Только там же на фотографии мелким шрифтом сделано уточнение – пять евро за килограмм, но эта мелочь остается незамеченной...

– В прошлом году мы яхту с женой арендовали, по Средиземному морю плавали... э-э, ходили. А в этом почему бы кемпер не взять? Сколько такой, как у тебя, стоит?

– Если новый, то лимонов пять. Если полноценный автобус, то миллионов десять. Тут еще смотреть надо, какая отделка. Можно и дешевле взять...

– Десять миллионов?.. Нет, десять миллионов это много, – покачал головой Ремезов. – Лучше новый дом на эти деньги поставить.

– Я свой кемпер за восемь сотен брал.

– Но так у тебя развалюха. Не в обиду будет сказано.

– Если не в обиду, то лучше не говорить...

– Обиделся, – примирительно улыбнулся Эдуард Андреевич.

– Я сюда не обижаться приехал, меня Альберт интересует.

– Я же сказал, поедem на завод, ты сам все поймешь...

– Что я пойму? Вы же не покажете мне место, где на вас вкалывают рабы. Да и я, если честно, далек от мысли, что рабы существуют. И почему Альберт должен был стать вашим рабом? Вы просто могли его убить.

Я внимательно смотрел на Ремезова, наблюдая за его реакцией.

– Убить?!

Его возмущение показалось мне искренним.

– Я похож на человека, который может убить?

– Я знал немало людей, которые совершенно не похожи на убийц. Хотя и убивали.

– Мне кажется, вы забываетесь, молодой человек! – нахмурился Ремезов. – Я с вами как человек с человеком себя веду, а вы как волк на меня набрасываетесь. И не надо на меня так смотреть. Все равно ничего не увидите. Нет за мной ничего такого. И если с Альбертом что-то случилось, то я здесь совершенно ни при чем.

– А кто при чем?

– Вы, наверное, поставили себе целью вывести меня из себя?.. – угрожающе сощурился Эдуард Андреевич. – Я понимаю, это метод вашей работы. Вывести человека из себя, заморозить ему голову, запутать... Я все понимаю. Но со мной этот номер не пройдет. Потому что у меня в мыслях нет никакой путаницы. Я четко знаю, что двадцать третьего декабря две тысячи шестого года отвез Альберта в Киров. В этот день я был в банке, снимал деньги со счета, вы можете сделать запрос, вам подтвердят.

– И много денег сняли?

– Э-э... А это имеет значение?

– Значит, много. Альберт об этом знает?

– Вы думаете, что он пытался меня ограбить?

– Мне нравится с вами работать, Эдуард Андреевич, – в ехидной насмешке скривил губы я. – Вы на лету схватываете суть, сами ставите вопрос. Может, вы сами и ответите на свой вопрос?

– Отвечу... Только не надо разговаривать со мной в таком тоне! – Ремезов нервно провел пальцами по лацканам пиджака, оправляя его. – Я вам не какой-то там уголовник! Я уважаемый человек!

Я не хотел идти ему навстречу: чувствовал, что надо и дальше щипать его, выводить из равновесия, чтобы на чистую заводу в его глазах выплеснулось чувство вины. Но нагнетать обстановку я дальше не мог. В любой момент Ремезов мог психануть, послать меня в голубые дали и уехать. Я лицо неофициальное, права у меня здесь птичьи, повестку ему выписать не могу, привод оформить – тоже.

– Извините.

– Да ладно, – небрежно смиростивился Эдуард Андреевич. И снова перешел на «ты». – Работа у тебя собачья, потому и злой ты, как собака. А не надо на меня злиться. Не знаю я, где Альберт. И ничем тебе помочь не могу... Но хотелось бы помочь. Не скажу, что относился к Альберту, как к родному, но ведь он мог стать членом нашей семьи. И мне самому интересно, что с ним стало... А ограбить он меня не мог. Не тот у него склад характера.

Обидел меня Ремезов, с собакой сравнил, но я же опер по своей сути, я умею справляться с эмоциями.

– Он собирался жениться на Насте? – засунув обиду в задний карман, спросил я.

– Да, дело шло к свадьбе, – кивнул Ремезов. – Только вот не дошло. Шло, шло, а не дошло... Настя с одним человеком сошлась. В подробности вдаваться не буду, да это и не нужно...

В это время к нам подошел хозяин кафе, с угодливым видом сгрузил на стол тарелки с шашлыком, зеленью и прочими сопутствующими атрибутами. Эдуард Андреевич сухо его поблагодарил, а я велел принести еще пиво. Ремезов же заказал только бутылку минеральной воды. Или он вообще не выпивает, или я – не та компания, в которой он мог себе это позволить.

– В общем, бросила Настя Альберта. Сказала, чтобы я сам ему все объяснил. Как будто мне больше делать нечего. Но Настя моя младшая сестра, я ее очень люблю, и она может вертеть мною, как хочет, – улыбнулся Ремезов с умилением.

– Значит, вы увезли Альберта в Киров и больше его не видели.

– Да, и больше его не видел.

– Отвезли на своей машине?

– Ну, не на рейсовом же автобусе...

– Может, он затем вернулся?

– Зачем?

– Ну, любовь к Насте, все такое.

– Не знаю. Если бы он возвращался, я бы знал, – в раздумье покачал головой Ремезов.

– Может, все-таки скажете, кем увлеклась Настя?

– Зачем?

– А если у Альберта с этим человеком конфликт вышел?

Я заметил вдруг черный «Гелендваген», подъехавший к «Хаммеру». Номеров я не видел, но что, если это та самая машина, бампер которой я позавчера помял. Со всеми вытекающими...

– Конфликт?! – еще глубже задумался Эдуард Андреевич.

– Ну, мало ли... Зима-подснежники...

– Не понял, какая зима? Лето на дворе.

– Сейчас лето, а тогда зима была. Я так понимаю, Альберт Гераклом не был, защититься не мог, если бы Настин жених решил его обидеть... Может, он просто собирался его обидеть. Может, силы не рассчитал? А может, нарочно до смерти зашиб? К примеру, на почве ревности...

– Зашиб?! На почве ревности?! – с интересом посмотрел на меня Ремезов. – Вы знаете, а я как-то не думал... А ведь мог его зашибить. Парень он здоровый.

– Кто он?

– Ну, Настин жених.

– Я это понял. А зовут его как?..

– Как зовут?.. – на секунду задумался Ремезов. – Игорь его зовут.

– Игорь? У Насти жениха Игорем зовут.

– И что? И тогда Игорь был, и сейчас, – не очень убедительно сказал он.

– Один и тот же Игорь?

– Один и тот же...

– Он что, три с половиной года в статусе жениха ходит?

– Нет, просто у них размолвка произошла. Потом снова сошлись... Настя у нас привередливая, потому и не замужем...

– И как я могу с этим Игорем поговорить?

– А завтра на завод приезжай. Он там работает. Завтра с ним и поговоришь.

– А почему не сегодня?

– Потому что у меня сегодня выходной. С женой хочу время провести. Или ты что-то имеешь против? – как-то странно посмотрел на меня Ремезов.

– А почему я должен быть против?

– Интересная у тебя манера общения – отвечать на вопрос вопросом, – снисходительно усмехнулся он. – Ну да, ты же сыщик... И мне кажется, не самый плохой. Если так, то, может, и докопаешься до истины. Мне ведь и самому интересно, что с Альбертом стало. Давай так договоримся, Игорь работает у меня начальником заводской службы безопасности, человек он верный, грамотный, большой специалист в своем деле – щепку через проходную не пронесешь. В общем, я бы не хотел усложнять наши отношения. Поэтому давай договоримся так, я помогаю тебе с ним встретиться, но ты не говори, что это я вывел тебя на него. Скажи, что сам узнал об их отношениях с Настей, вот и решил задать ему несколько вопросов...

– А это не опасно? – хмыкнул я, вспомнив, как Настя мне им угрожала.

На охрану целого завода слюнтяя не поставят, туда, как правило, крутых мужиков назначают.

– Ну, Игорь парень непростой, – пытаюсь скрыть злорадство, усмехнулся Ремезов. – Может и нахамить. Даже ударить. Управу ты на него здесь не найдешь, потому что у него старший брат – начальник нашей милиции. Игорь не злоупотребляет родственными связями, руки распускает редко, но ты все равно его не зли...

– Хорошо, не буду.

– Что еще, Константин, ты бы хотел у меня узнать? А то у меня времени не так уж и много. – Эдуард Андреевич демонстративно посмотрел на часы. – Жена ждет, да и я по ней соскучился...

– Давно вы женаты? – спросил я.

– Нет, а что? – не очень заметно, но все-таки напрягся он.

– Да так... Насколько я знаю, с кировского завода вы увольнялись холостым.

– Да, тогда я был холостой. А женился прошлым летом.

– Значит, яхтенный круиз был у вас в медовый месяц.

– Да, в медовый месяц, – сказал Ремезов.

А может, признался?.. Сказал про путешествие по Средиземному морю, но про медовый месяц ни слова. Забыл? Или просто не хотел подпускать меня к своей семейной жизни? Почему не хотел? Почему Настя так вдруг забеспокоилась, когда узнала про мою с Алиной встречу?

– А познакомились где с Алиной?

– Тоже в круизе. Но по Черному морю. Она ко мне из Иркутска приехала.

– Из Иркутска? Там же нет Черного моря.

– И здесь нет Черного моря, – с язвительной насмешкой глянул на меня Ремезов. – Но я там был. И Алина там была.

– И давно вы с ней живете?

– Уже два года.

– Выходит, один год в гражданском браке жили, другой – в законном.

– Да, но тебя это не касается.

– Да, конечно...

– Если вас еще что-то интересует по этой теме, спрашивайте. – Он снова посмотрел на часы. – А то я уже уйду.

– Да нет, вопросов больше нет. Если, конечно, Альберт не знал Алину.

– Нет, не знал. Не мог знать. Его уже здесь не было, когда появилась Алина... Может, ты решил, что Альберт был влюблен в мою Алину? – засмеялся Ремезов.

Кажется, ему доставляло удовольствие читать мои мысли.

– Это уже не имеет значения.

– Действительно, это не имеет значения. И моя Алина не имеет никакого отношения к Альберту... Все, Константин, мне пора!

На прощание Эдуард Андреевич сказал, чтобы завтра в девять часов утра я был в этом кафе, за мной заедут и отвезут на завод. При желании я могу отправиться туда на своем кемпере, меня сопровождают. На этом разговор закончился. Он поднялся, скупой улыбнулся мне в знак прощания и направился к своей машине. За шашлык расплатился его телохранитель.

А к шашлыку Ремезов так и не притронулся. Прорекламиривал достоинства местной кухни, но сам не рискнул их отведать.

Мне казалось, что Эдуард Андреевич пытался произвести на меня впечатление. Дескать, он такой стратегический производственник, чуть ли не герой России, а я тут его от великих свершений отрываю. И колючки мои он терпел, чтобы довести наш разговор до конца. Нужный ему разговор. Я спрашивал у него про Альберта, а он в свою очередь пытался узнать, что я обо всем этом знаю. Похоже, он хотел знать, какой информацией о его делах я на данный момент располагаю. И, кажется, он понял, что я до сих пор блуждаю в потемках. Потому и успокоился. А с какой легкостью он ухватился за мою версию, что Альберта мог убить Настин жених. Даже встречу мне с ним устроил. Зато в нем возникло напряжение, когда разговор зашел об Алине...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.